

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Ж. БАЛАСАГЫНА**

**БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К. КАРАСАЕВА**

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 10.22.644

На правах рукописи
УДК:81-11:81-34 (575.2)(043.3)

КАРАТАЕВА СОНАЙЫМ КУБАТБЕКОВНА

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА
(система гласных)**

10.02.06 – тюркские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Бишкек – 2023

Диссертационная работа выполнена на кафедре кыргызского языка и технологии его обучения имени профессора Т. Ахматова Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева.

Научный консультант: Мусаев Сыртбай Жолдошович

доктор филологических наук, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, главный научный сотрудник Института языка и литературы имени Ч.Айтматова

Официальные оппоненты: Садыков Ташполот

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории кыргызского и тюркских языков Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева

Малбаков Мырзаберген Малбакович

доктор филологических наук, профессор, заведующий отделения истории языка и диалектологии Института языкознания имени А.Байтурсынова

Абдувалиев Ибраим

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры кыргызского языка и литературы Жалал-Абадского государственного университета Б. Осмонов

Ведущая организация:

отделения филологии Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета “Манас” (720044, г. Бишкек, мкр. Жал, ул. Тыналиева, 30-43).

Защита диссертации состоится 30 ноября 2023 года в 14:00 на заседании диссертационного совета Д. 10.22.644 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) филологических наук при Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына и Бишкекском государственном университете имени К. Карасаева, по адресу: город Бишкек, улица Фрунзе, 547. Идентификационный код онлайн-трансляции защиты <https://vc1.vak.kg/b/102-tnx-0sb-9mu>.

С диссертацией можно ознакомиться в научных библиотеках Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына (720026, город Бишкек, улица Фрунзе, 547.), Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (720044, город Бишкек, проспект Ч.Айтматова, 27) и на сайте Национальной аттестационной комиссии при Президенте Кыргызской Республики ().

Автореферат разослан 30 октября 2023 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета, д.ф.н., доцент

Садыкова С. З.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. В области кыргызского языкознания известны труды таких ученых, как К. Тыныстанов (1928), И. А. Батманов (1946), К. Дыйканов (1959), Т. К. Ахматов (1970; 1990), Ж. К. Сыдыков (1994), К. Т. Токтоналиев (2004; 2020), Т. Садыков (1994; 2020), Г. А. Эсенбаева (2015), в которых звуковой строй кыргызского языка был исследован с синхронного, экспериментально-фонетического и структурно-таксономического аспектов. Тем не менее вопросы, касающиеся исторической фонетики и грамматики, остаются в числе неизученных проблем. Однако следует отметить, что некоторые аспекты истории кыргызского языка, особенно вопросы, связанные с периодизацией истории его развития, были исследованы в трудах таких известных ученых советского кыргызского языкознания, как Б. М. Юнусалиев (1959) и Б. О. Орузбаева (1964), а проблема становления и развития кыргызского литературного языка была рассмотрена в монографии академика С. Ж. Мусаева, написанной в соавторстве с Т. С. Мусаевой (2020). Также можно отметить докторскую диссертацию С. С. Жумалиева, в которой была осуществлена стратификация лексики кыргызского языка на материале эпоса „Манас“ (2015). Помимо этого ряд ключевых вопросов, касающихся истории кыргызского языка, в частности, его отношение к древнетюркским письменным памятникам, в том числе и чагатайскому письменному литературному языку, были исследованы в трудах ученых, таких как Н. Усеев (2011), Р. Конурбаева (2011), Б.Ж.Усмамбетов (2018), А. У. Акынбекова (2023).

Анализ упомянутых выше трудов показал, что вопросы, связанные с эволюцией развития фонетической системы кыргызского языка, в том числе механизмы образования долгих гласных не были исследованы с диахронического аспекта на материале близкородственных и дальнородственных языков. В представленной диссертации проблемы происхождения, становления и развития долгих гласных, представляющих собой основную подсистему в фонетической структуре кыргызского языка, были рассмотрены в контексте исторических сведений о формировании кыргызского народа и с учетом историко-лингвистических, ареальных, диалектных особенностей исследуемого языка. Также данные вопросы, а именно долгие гласные, были рассмотрены в неразрывной связи с языковыми фактами родственными с кыргызским языком другими тюркскими языками, а также фонетическими законами ряда тюркских языков, которые развивались в одном языковом ареале. Поскольку ключевые вопросы, касающиеся происхождения долгих гласных в тюркских языках, первичных и вторичных долгих гласных, являются многоаспектными, сложными вопросами, требующими обстоятельного исследования в области кыргызского языкознания и лингвистической тюркологии в целом. Вместе с тем в рамках

данного исследования были осуществлены первые попытки составления исторической грамматики кыргызского языка. Таким образом, все упомянутые выше обстоятельства, требующие исследования обуславливают **актуальность** темы данной диссертационной работы.

Связь темы диссертации с крупными научными программами, основными научно-исследовательскими работами, проводимыми научными учреждениями. Тема диссертации входит в тематический план научно-исследовательской работы кафедры кыргызского языка и технологии его обучения имени профессора Т. Ахматова Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы заключается в выявлении диахронических процессов, закономерностей, механизмов, способствующих образованию первичных и вторичных долгих гласных в исторической фонетике кыргызского языка. Попытка воссоздания не фрагментарной, а целостной, последовательной истории развития звуковой системы кыргызского языка путем исследования долгих гласных с диахронического аспекта.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- в целях определения состояния изученности проблемы обзор научных трудов в области общего языкознания, алтаистики и тюркологии, в которых исследованы долгие гласные;
- для полного отражения механизмов происхождения долгих гласных использование лингвистических материалов из древнетюркских письменных памятников, близкородственных и дальнородственных языков, а также из ряда тюркских языков, которые развивались в одном языковом ареале и из диалектов кыргызского языка;
- теоретическое обобщение причин и условий фонетических изменений путем исследования фонетических законов, которые прямо или косвенно связаны с происхождением долгих гласных;
- описание процесса т.е., “монофтонгизации дифтонгов ↔ дифтонгизации монофтонгов” в пратюркском языке в качестве основного принципа анализа первичных и вторичных долгих гласных;
- обоснование рефлексов первичных гласных путем анализа языковых фактов из тюркских языков и обособленных говоров кыргызского языка;
- анализ долгих гласных в кыргызском языке, образованных в результате трансформаций этимологических долгих гласных, адаптации дифтонгов и отдельных сочетаний звуков в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков;
- выявление фонетических фактов и явлений в современном кыргызском языке и его диалектах, характерных звуковой системе древнетюркского языка;

- определение кыпчакской основы кыргызского языка путем анализа развития позиционных долгих гласных и дифтонгов;
- доказательство близкого родства кыргызского языка с алтайским, тувинским, шорским, тофаларским языками через выявления общих закономерностей в процессе развития долгих гласных;
- выявление особенностей фонетической структуры кыргызского языка и его места в системе тюркских языков путем исследования эволюции долгих гласных.

Научная новизна результатов исследования заключена в следующих концептуальных положениях: 1) впервые в области тюркологии в качестве объектов исследования были выбраны слова с долгими гласными с учетом широкого спектра временно-пространственных параметров (в том числе слова, заимствованные с монгольского, иранского, арабского языков), а также слова, относящиеся кыргызскому литературному языку и его диалектам, в частности, языковые факты, характерные памирскому, джерге-тальскому, зааминскому, баткенскому, чаткальскому говорам. Вместе с тем анализированы языковые материалы, взятые с алтайского, тувинского, шорского, тофаларского, монгольского (халха-монгольского, бурятского, калмыцкого), иранского (персидского, таджикского) и арабского языков; 2) изучение влияния фонетических закономерностей (акцентуации, аналогии, трансформации), условий и причин фонетических изменений на формирование подсистемы долгих гласных в кыргызском языке; 3) глубокий анализ процесса т.е., “монофтонгизации дифтонгов ↔ дифтонгизации монофтонгов” в пратюркском языке в качестве основного принципа анализа первичных и вторичных долгих гласных в области тюркологии; 4) доказательство рефлексов первичных гласных посредством языковых фактов, характерных обособленным говорам кыргызского языка; 5) рассмотрение процесса монофтонгизации дифтонгов в качестве одного из основных факторов в формировании долгих гласных как подсистемы фонетической структуры; 6) систематическое исследование вторичных долгих гласных, являющихся одним из ключевых вопросов исторической фонетики тюркских языков, особенно кыргызского языка, образованных на стыке морфем, под влиянием эмфазы, от позиционных изменений и акцентной структуры, а также в заимствованных словах; 7) адаптация этимологических долгих гласных и дифтонгов в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков, к морфонологической структуре кыргызского языка, а также, выявление моделей сочетаний звуков (модели, согласно которым образуются долгие гласные) в словах монгольского, иранского и арабского происхождения и представление на примере языковых фактов процесс их трансформации в долгие гласные в кыргызском языке; 8) долгие гласные, представляющие собой основную подсистему в фонетической

структуре кыргызского языка, были рассмотрены в хронологическом порядке путем применения ареально-географического, типологического методов.

Практическая значимость исследования. Результаты, выводы, полученные от исследования, могут найти свое применение прежде всего в составлении исторической грамматики кыргызского языка и других тюркских языков в целом. Вместе с тем результаты данного исследования могут использоваться в качестве теоретических материалов в процессе проведения исторических, этнологических, этногенетических исследований. Таким образом, богатые факты и материалы, полученные в ходе сравнительно-исторического исследования, могут быть полезны в определении исторических этапов формирования кыргызского языка, также в процессе проведения лекционных занятий по таким предметам, как «История кыргызского языка» и «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Наличие первичных долгих гласных в кыргызском языке подтверждается материалами изолированных диалектов, но на более поздних этапах развития языка первичные долгие гласные не сохранились как система и их ареал употребления имел ограниченный характер.

2. Процесс “монофтонгизации дифтонгов ↔ дифтонгизации монофтонгов” в пратюркском языке является одним из факторов, доказывающих наличие первичных долгих гласных в тюркских языках.

3. Возникновение долгих гласных объясняется следующими основными механизмами: 1) выпадение интервокальных согласных; 2) вокализация щелевых согласных в составе аффиксов путем их спондантизации; 3) изменение акцентной структуры; 4) влияние эмпазы; 5) изменение позиционно-комбинаторных условий; 6) монофтонгизация дифтонгов; 7) адаптация этимологических долгих гласных в заимствованных словах; 8) трансформация отдельных сочетаний звуков (долготные комплексы) в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков.

4. Развитие долгих гласных представляет собой динамический процесс, который продолжается и в современном этапе исторической эволюции языка.

5. Образование долгих гласных в составе сложных аффиксов является продуктом более поздних процессов в развитии тюркских языков.

6. Трансформация отдельных сочетаний звуков в долгие гласные происходила в кыргызском языке в контексте процесса кыпчакизации. В отличие от других тюркских языков монофтонгизация более поздних дифтонгов в южно-сибирских языках была еще одним механизмом образования долгих гласных в кыргызском языке.

7. Дифтонги относятся к периферийной части вокальной системы тюркских языков, следовательно, они не были глубоко интегрированы в их общую систему. Поэтому периферийный статус дифтонгов был одним из главных факторов, определивших дальнейшую судьбу дифтонгов в истории тюркских языков.

8. Адаптация этимологических долгих гласных и дифтонгов в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков, к морфофонологической структуре кыргызского языка, а трансформация моделей звуковых сочетаний (долготные комплексы) в словах монгольского, особенно иранского и арабского происхождения, происходила в соответствии с диалектными особенностями кыргызского языка.

Личный вклад соискателя. Обзор научных трудов в области общего языкознания, алтаистики, тюркологии и кыргызского языкознания, посвященных исследованию научно-теоретических вопросов, касающихся первичных и вторичных долгих гласных согласно принципу преемственности в науке; впервые в лингвистической тюркологии в качестве объектов исследования были выбраны слова, с долгими гласными в составе, с учетом широкого спектра временно-пространственных параметров; на примере выбранных языковых фактов и материалов были выявлены механизмы образования долгих гласных; путем описания двустороннего процесса т.е., “монофтонгизации дифтонгов ↔ дифтонгизации монофтонгов” было доказано наличие долгих гласных в пратюркском языке. Все перечисленные выше результаты и положения, выносимые на защиту, выводы по итогам исследования и заключение принадлежат самому соискателю.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы представлены в докладах в рамках таких научно-теоретических, научно-практических конференций международного, республиканского значения, как III международный конгресс «Кыргызский и Караханидский каганаты: неизгладимые следы» (8-21 сентября, 2014 г.), (Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына); Международная научно-методическая конференция «Х Оразбаевские чтения». Современные методы и подходы в археологии и этнологии (28-29 апреля, 2017 г.),; (Казахский национальный университет имени аль-Фараби); IX международный конгресс тюркологии (20 октября, 2021 г.), (Казахско-Турецкий международный университет); также научно-практические конференции, проведенные в Ошском государственном педагогическом университете имени А. Мырсабекова (11 февраля, 2021 г.), Иссык-Кульском государственном университете имени К. Тыныстанова (9 сентября, 2021 г.), Кыргызском государственном университете имени И. Арабаева (10 октября, 2019 г.). Диссертационная работа была обсуждена на расширенном заседании кафедры кыргызского языка и технологии его обучения имени профессора

Т.Ахматова Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева и была рекомендована к защите.

Публикация результатов исследования. По результатам исследования опубликовано 20 статей, из них 1 статья в изданиях, входящих в систему Scopus, 3 статьи в периодических научных изданиях, входящих в систему индексирования РИНЦ, 14 статей в изданиях, входящих в список НАК КР.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Общий объем работы составляет 360 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** отражены актуальность темы, цель и задачи, определена новизна полученных результатов и практическая ценность работы, перечислены положения, выносимые на защиту, представлена информация о полноте отражения результатов, полученных в исследовании и их апробации, а также о структуре диссертации.

Глава I «Теоретические основы исследования проблемы» состоит из пяти разделов. В данной главе диссертации рассмотрены теоретические основы изучения долгих гласных, в частности, представлен обзор научных трудов в области алтаистики, тюркологии и кыргызского языкознания, в которых исследованы вопросы, касающиеся происхождения долгих гласных в тюркских языках и развитие теоретических идей по исследованию данных сегментных единиц.

1.1. «Теоретические основы исследования долгих гласных». Вызывает большой интерес исследование фонетической системы кыргызского языка с исторического аспекта в процессе исследования звуковой системы тюркских языков, входящих в древнекыргызскую группу. Поскольку фонетическая система современного кыргызского языка является результатом развития и изменения форм в древнекыргызском языке, в том числе результатом эволюции долгих гласных, которые представляют собой подсистему вокальной системы. В многовековой истории формирования кыргызского языка долгие гласные, в отличие от кратких, прошли сложный путь развития. В тюркологии долгие гласные по хронологии происхождения или этимологии делятся на первичные и вторичные. Создание и развитие теоретической мысли о первичных и вторичных долгих гласных связаны с именем Отто Бётлингера. А теоретические концепции, связанные с долгими гласными, в том числе и с генезисом их происхождения, берут свое начало с исследований, в которых объектами сравнительного анализа были долгие гласные в якутском языке и языке нижгарских татаров (*мишарские татары – авт.*). К числу первичных долгих гласных следует отнести долгие гласные, встречающиеся в составе корневых слов, происхождение которых не могут быть объяснены в результате

трансформации некоторых сочетаний звуков [СИГТЯ, 1984: 23-24]. Подобные долгие гласные сохранились в древнетюркских письменных памятниках, современном туркменском, якутском, гагаузском языках и кара-булакском диалекте узбекского языка, мишарском диалекте татарского (нижгарских татар), анадоллийском диалекте турецкого, кумандийском диалекте алтайского языков, а также тофаларском языке. По нашим наблюдениям, их рудименты встречаются в юго-западном диалекте кыргызского языка. Что касается вторичных долгих гласных, то они имеют фонематический статус в кыргызском, алтайском, хакасском, тувинском, шорском, тофаларском и гагаузском языках. Кроме того, как отмечал В. В. Радлов, данные долгие гласные сохранены в диалекте таранчи уйгурского языка. А по мнению Э. Севортыяна, этимологические долгие гласные встречаются в словах, заимствованных из арабского и иранского языков, в турецком, азербайджанском и узбекском языках, чаще они встречаются в речи представителей старшего поколения [Трофимов, 1991:89; Севортыян, 1955:13-43]. В тюркологии в качестве основных механизмов происхождения долгих гласных указываются следующие закономерности: 1) выпадение интервокального согласного; 2) акцентуация (словесное ударение); 3) количественная метатеза; 4) качественное взаимовлияние звуков; 5) фonomорфологическая мутация. Следует отметить, что в свое время такая интерпретация происхождения долгих гласных была одним из важных концепций в области тюркологии. Однако важно отметить, что упомянутые выше механизмы не могут объяснить все случаи происхождения долгих гласных.

1.2. Исследование долгих гласных в алтаистике. Выход в свет труда О.Бётлингга «О языке якутов» (1851 г.) вызвал большой интерес среди алтаистов, которыми, помимо других проблем, были исследованы долгие гласные в тюркских языках на уровне алтаистики. В частности, долгие гласные рассматривались с синхронного аспекта в трудах таких известных алтаистов как М. Кастрен (1857), К. Фой (1900), В. Грёнбек (1902), Х. Педерсен (1903), З. Гомбоц (1912), Ю. Немец (1914), М. Рясянен (1937), Л. Лигети (1942), К. Менгес (1959), А. фон Габен (1974), которые связывали происхождение таких сегментных единиц с изменением акцентной структуры тюркских языков. А долгие гласные в монгольском языке исследованы в трудах ученых, как Г. Й. Рамстедт (1908), Б. Я. Владимирцов (1929), Г. Д. Санжеев (1953), Б. Х. Тодаева (1951), Н. Поппе (1955), Д. А. Павлов (1974), В. И. Рассадин (1982), В. М. Надеяев (1987), П. Ц. Биткеев (1985; 2012) и А. А. Дарбеева (1996). В частности, в исследованиях перечисленных выше авторов были выявлены механизмы образования, акустические, функциональные свойства и модели происхождения долгих гласных.

1.3. Исследование долгих гласных в тюркологии. Первые сведения о долгих гласных встречаются в труде О. Бётлингга «О языке якутов» (1851 г.), в котором отмечается, что долгие гласные встречаются в составе слов во всех позициях, а гласные в конце односложных слов произносятся как долгие гласные. В качестве примеров приводятся такие слова, как хаа (герой), саа (ружье), бии (лезвие ножа), түү (шерсть) и др. О. Бётлингк показывает, что долгие гласные в якутском языке часто соответствуют долгим гласным языка нижгарских татар, а иногда и кратким, а якутские краткие гласные совпадают с долгими гласными в языке нижгарских татар: *як.* аат (имя) – *ниж. тат.* аат, *як.* кыыс (девушка) – *ниж. тат.* кэз; *як.* бисик (колыбель) – *ниж. тат.* бишик ж.б. [Филиппов, 2022:41]. Эти сопоставления О. Бётлингга явились основой для создания теоретической концепции «первичных и вторичных долгих гласных» в тюркологии.

К вопросу происхождения долгих гласных одним из первых обратился В.В. Радлов, по мнению которого, долгие гласные в современных тюркских языках образовались от механического сочетания гласного и согласного, иногда от долготы произношения краткого гласного. Таким образом, автором выявлены три способа образования долгих гласных [Radloff, 1882].

Общие сведения о долгих гласных в тюркских языках можно найти в трудах по нормативной грамматике алтайского (ойротского) [Дыренкова, 1940], шорского [Дыренкова, 1941], балкарского [Филоненко, 1940], якутского [Харитонов, 1947], гагаузского [Покровская, 1964], тофаларского [Рассадин, 1971], тувинского [Исхаков, Пальмбах, 1961] и хакасского [Баскаков, 1975] языков. В трудах по нормативной грамматике, перечисленных выше языков фонематический статус долгих гласных, их позиции в составе корневых морфемах и аффиксов и пути их происхождения в том или ином тюркском языке, были рассмотрены в сопоставительном аспекте. Важно отметить, что в области тюркологии особое значение имеет объемный труд «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Фонетика», посвященный фонетике тюркских языков, вышедший в свет в 1955 году. В данном сборнике были опубликованы статьи, посвященные проблеме долгих гласных, авторов таких как, Н. К. Дмитриев, Э. Севортян, Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. А в сборниках «Фонетические структуры в сибирских языках» (1986) и «Исследования звуковых систем языков Сибири» (1987) публикуются статьи таких авторов как В. М. Надеяев, И. Г. Торсуева, Е. И. Убрятова, И. Я. Селютина, С. Куренов, М. Ч. Чумакаев, посвященные вопросам типологии артикуляционно-акустической базы (ААБ), принципам описания звукового строя языка, артикуляционными особенностям долгих гласных в алтайском, якутском и туркменском языках, их фонематическому статусу и количественным характеристикам. В статьях этих авторов долгие гласные были рассмотрены с акустико-артикуляционных аспектов. После 2000-х годов

вновь был поднят вопрос исследования долгих гласных в южносибирских тюркских языках. В указанный период защищают свои кандидатские диссертации по вопросам экспериментальной фонетики А. А. Шалданова (2003), С. Б. Сарбашева (2004), И. Д. Дамбыра (2005) и Г. А. Эсенбаева, являющиеся представителями сибирской фонологической школы, основанной специалистом по тюркским и монгольским языкам В. М. Наделяевым. В этих исследованиях рассматривались системы гласных алтайского, тувинского языков и кыргызского языка на основе компьютерной программы. Наряду с артикуляционными характеристиками гласных описывается их количественные оппозиции, приводятся общие сведения о первичных и вторичных долгих гласных, также особое внимание уделяется позиционным долгим гласным, как рудиментам первичных долгих гласных.

1.4. Исследование долгих гласных в кыргызском языкознании.

Известно, что исследование фонетической системы кыргызского языка началось в 20-х годах прошлого века. В данном направлении были написаны труды таких ученых как, К. Тыныстанов (1928), К. Бакеев, Ү. Бактыбеков (1939), Ү. Асылбеков (1940), И. Батманов (1946), К. Дыйканов (1959), Б. М. Юнусалиев (1965), С. Кудайбергенов (1980), Ш. Жапаров, Т. Сыдыкова (2014), а разные вопросы описательной фонетики были исследованы в трудах Т. К. Ахматова (1970), Ж. К. Сыдыкова (1990), А. Орусбаева (1990), Т. Садыкова (1992; 2006; 2015), К. Токтоналиева (2004). В трудах К. Дыйканова “Гласные звуки в кыргызском языке” и „Грамматика кыргызского литературного языка“, в статье С. Кудайбергенова были рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся происхождения вторичных долгих гласных в кыргызском языке [Дыйканов, 1959:50-63; Кудайбергенов, 1980:18-37]. Таким образом, в кыргызском языкознании вопросы формирования и развития долгих гласных не были объектами специальных исследований, поскольку они изучались в контексте вопросов, касающихся исторических этапов формирования кыргызского языка, а в трудах, написанных по экспериментальной фонетике, долгие гласные рассматривались как подсистема фонетической системы.

1.5. Некоторые вопросы исследования дифтонгов в тюркских языках.

Дифтонги представляют собой сложные образования т.е., сочетания двух элементов, произносимых как один звук. В лингвистической литературе такие единицы называются изменяемыми (ложными) дифтонгами и состоят из двух элементов, называемых «ядро» (слоγοобразующий) и «глайд» (неслоговой). «Ядро» четко артикулируется и выполняет слоговую функцию, а второй неслоговой элемент образуется от полугласного. Изменяемые дифтонги делятся на нисходящие и восходящие в соответствии с порядком расположения слоговых и неслоговых элементов.

По мнению ученых, изучающих фонетический строй тюркских языков, изменяемые дифтонги характерны тюркским языкам, входящим в кыпчакскую и огузскую группы, якутскому языку, а также некоторым языкам Южной Сибири. Все упомянутые выше вопросы были исследованы во многих трудах таких известных тюркологов, как В. В. Радлов (1882), Н. К. Дмитриев (1948), М. Рясянен (1955), Н. А. Баскаков (1952), Дж. Киекбаев (1958), Ш. Акбаев (1963), К. М. Мусаев (1964), Л. Покровская (1964), В. И. Рассадин (1971), Н. З. Гаджиева (1975), Л. Т. Махмутова (1978), Б. Серебренников, Н. Гаджиева (1986), К. И. Самедова (2000), С. Б. Сарбашева (2004), Г. Г. Филиппов (2022), а в кыргызском языкознании данные вопросы были исследованы исключительно с диалектологического аспекта в трудах Ж. Мукамбаева (1953), Э. Абдулдаева (1956; 1962), Г. Бакиновой, С. Кондучаловой, С. Сыдыкова (1958), Б. М. Юнусалиева (1966), Ж. Жумалиева (1983), Ж. Сыдыкова (1990) и ряда других авторов.

Вторая глава называется “**Методология, методы и материалы исследования**”. В данной главе определены объект и предмет, описаны методологическая база, методы и материалы исследования.

2.1. Объект, предмет, методологическая база и методы исследования. **Объект исследования** – долгие гласные в фонетической системе тюркских языков, в том числе кыргызского языка. **Предмет исследования** – основные лингвистические диахронические фонетические процессы, механизмы происхождения долгих гласных, являющиеся ключевой проблемой исторической фонетики кыргызского языка.

Методологическая база и методы диссертационной работы. В ходе исследования в соответствии с намеченной целью и задачами были использованы общие методы, приемы, принципы и определенные процедуры анализа. В частности, использовался ряд универсальных методов, таких как описание, обобщение, интерпретация, моделирование, аналогия, трансформация, анализ и синтез, индукция, дедукция, структурный, этимологический методы. Помимо этого были использованы методы ареальной лингвистики, этнолингвистики, а также специальные методы дистрибутивного и семантического анализа, применяемые в рамках функциональной грамматики. Вместе с тем использованы ряд основных принципов в рамках сравнительно-исторического метода, а именно, выявление соответствий и аномалий в звуковых системах сравниваемых языков; моделирование архетипов и архиформ; реконструкция фонетических особенностей слов на начальных и переходных этапах развития языков, а также принципы хронологической и пространственной локализации языковых, в том числе фонетических явлений.

2.2. Теоретические и иллюстративные материалы исследования. В качестве теоретических материалов, связанных с долгими гласными, были

использованы ключевые, концептуальные взгляды и теоретические основы исследований таких ученых, как В. В. Радлов (1882), Б. Я. Владимирцов (1929), Г. И. Рамstedт (1908), Г. Д. Санжеев (1953), Ц. Д. Номинханов (1955; 2000), Н. П. Дыренкова (1940), (1941), Н. К. Дмитриев (1955), Б. М. Юнусалиев (1959; 1965; 1966), Ф. Г. Исхаков (1955), А. А. Пальмбах (1955), Г. А. Баринова (1971), Н. Д. Дьячковский (1977), Н. Н. Убушаев (1979), С. Кудайбергенев (1980), Е. И. Убрятова (1987), Н. А. Баскаков (1988), А. А. Дарбеева (1996), И. Я. Селютина (2000), А. А. Шалданова (2003), О. М. Саая (2005), И. Д. Дамбыра (2005), Г. А. Эсенбаева (2008), П. Ц. Биткеев (2012) и на основе полученных результатов рассмотрены конкретные вопросы, касающиеся происхождения долгих гласных в кыргызском языке. В частности, при рассмотрении вопросов, связанных с процессом монофтонгизации древних дифтонгов ↔ дифтонгизации первичных долгих гласных были использованы теоретические материалы, разработанные в трудах ученых таких как, М. Ряснен (1955), Э. Прокош (1954), В. М. Жирмунский (1965), А. М. Щербак (1970), Б. М. Юнусалиев (1966; 1971), Б. Серебренников, Н. З. Гаджиева (1984; 1986), О. А. Мудрак (1993; 2018).

При выборе языковых материалов и проведении их структурно-этимологического анализа были использованы 62 фундаментальных, лингвистических словарей различного содержания в области тюркологии и алтаистики. В частности, в качестве иллюстративных материалов были выбраны 20 слов, с первичными долгими гласными в составе, 170 слов при изучении дифтонгов, трифтонгов и тетрафтонгов, более 220 слов при изучении долгих гласных, образованных в результате изменения морфологической структуры корня/основы слова, 54 слова с позиционными долгими гласными, 33 слова с эмфазными долгими гласными, 17 слов, общих для тюрко-монгольских языков, 76 слов, которые были заимствованы из монгольских языков в тюркские языки и, наоборот, из тюркских в монгольские языки, 78 слов, заимствованных из иранских языков, 94 слов, заимствованных из арабского языка были проанализированы со структурно-семантического и этимологического аспектов.

2.3. Фонетические явления (законы), прямо и косвенно связанные с происхождением долгих гласных. Если в исторической фонетике сравниваемых языков определяется историческая преемственность, то фонетическими закономерностями признаются фонетические соответствия в составе корней и аффиксов в родственных языках. Фонетические законы способствуют выявлению конкретных случаев, обуславливающих фонетическое развитие, закономерностей фонетической структуры и их трансформации. В свою очередь, при выявлении закономерностей фонетического развития необходимо не только наблюдать за звуковыми изменениями, но и определять конкретные случаи, способствующие развитию

фонетических процессов. В частности, на развитие и формирование подсистемы долгих гласных в кыргызском языке повлияли следующие фонетические явления: 1) принцип экономии речевого усилия, 2) принцип ослабления, 3) принцип слияния, 4) принцип стирания (исчезновение). Каждое фонетическое изменение представляет собой многогранное явление, обусловленное физическими, психологическими и социальными факторами.

В третьей главе „Первичные долгие гласные и дифтонги в кыргызском языке“ рассматривались первичные долгие гласные в кыргызском языке и их рефлексy, фонологический статус дифтонгов, дифтонгизация первичных долгих гласных, монофтонгизация древних дифтонгов, пути происхождения дифтонгов, трифтонгов, иногда тетрафтонгов из древних звуковых сочетаний.

3.1. Рефлексы первичных долгих гласных в кыргызском языке.

Рудименты первичных долгих гласных сохранились в древнетюркских письменных памятниках, современном туркменском, якутском, гагаузском языках и кара-булакском диалекте узбекского языка, иканском, хорезмском говорах, мишарском диалекте татарского языка, юго-западном анадолйском диалекте турецкого, кумандийском диалекте алтайского языков, тофаларском, а также халажском языках. Они имеют фонематическое свойство и в основном встречаются в составе односложных слов, общих для тюркских языков.

Рудименты первичных долгих гласных встречаются в памирском, джержетальском, баткенском говорах, а также в некоторых говорах юго-восточного диалекта кыргызского языка. Однако упомянутые выше позиции первичных долгих гласных, как и в других тюркских языках, не имеют устойчивого характера. По нашим наблюдениям, первичные долгие гласные встречаются в составе слов в следующих 27 случаях: *Исходная форма* *a:č „ач“; *бай.т.* *اچ* a:ç, *اچتی* a:çtı „ачты, ачка болду“ [МК I 194_{акад.}], в составе пословицы: *اچ نا ييماس ئۇ نا ييماس* a:ç nā jēmäs, toq nā tāmäs – Ач не жебейт, ток не дебейт [Толубаев, Каратаева 2010:8]; в кипчакских письменных памятниках ач [KTS 1]; *кырг. диал. (пам.)* аач „курсагы жүдө аач болду“ [КТДС 70]; *түркм.* а:ч; *як.* а:с; *гаг., уйг.диал.* а:ч; *уйг.диал.* а:ж; *тоф.* айш; *кырг., алт., тат., ктат., уйг.* ач; *каз., ног., тув.* аш [ЭСТЯ, 1974:208]. „аач“ встречается в словаре Махмуда Кашкари, а также в туркменском, якутском, гагаузском языках, диалектах кыргызского и уйгурского языков.

Таблица 3.1. – Первичные долгие гласные и их рефлексy в тюркских языках

№	Праформа	Туркменский язык	Якутский язык	Другие тюркские языки	Говоры кыргызского языка
1	*a:č	а:ч	а:с	гаг. а:ч	пам. аач
2	*a:r- «чарчоо»	а:р-	ыр-	Турец.иал. а:р-	пам., джерг.,

	(усталость, утомление)				наукат. аары-
3	*ră:š «беш»	бэ:ш	биес	нижгар. би:ш, турец. диал., узб.диал. бе:ш	батк. бээш
4	*qı: «кык»	кыҕ	ки:	турец. кы:; халаж. кы:х;	суз. кыык
5	*u:s	у:з	у:с	-	джерг. ууз, пам. уууз

Исходная форма *ră:š «беш»; Согласно реконструкции М. Рясанена *bä:š [Räsänen, 1969:8]; *бай.т.* beš [ДТС 96]; в кипчакских письменных памятниках встречается в следующих фонетических вариантах: beš~beuš [KTS 28; 29]; *кырг.диал.* (батк.) бээш „бээш жовлук сатып алдык“ [КТДС 332]; *түркм.*, *тур.диал.*, *өзб.диал.* бэ:ш; *тоф.* пэ:ш~бейш; *як.* биес; *кырг.*, *өзб.*, *гаг.*, *ктам.*, *алт.*, *тув.* беш; *каз.*, *ккал.*, *ног.* бес [ЭСТЯ, 1978:126]. Данная форма в кипчакских письменных памятниках, тофаларском, якутском языках встречается в качестве дифтонгов, а в туркменском, кыргызском, узбекском языках, а также в некоторых диалектах тюркских языков в составе долгих гласных, что дает возможность для реконструкции исходной формы первичной долготы.

3.2. Дифтонги и их фонологический статус. Фонематический статус дифтонгов в фонологической системе гласных до конца не определен. Хотя не вызывает споров то, что дифтонги состоят из комбинации звуков, их признание моно- или бифонемами является одним из нерешенных вопросов. В общей фонетике существуют два различных взгляда на эту проблему. К первой группе ученых следует отнести представителя копенгагенской школы структурализма Х. Ульдалля (1939), и американской дескриптивной лингвистики Дж. Трейгера, Б. Блока (1941), которые не признали самостоятельность гласных в составе дифтонгов и определяли бифонемный характер дифтонгов в германских языках методом субституции [Байкова, 2020:13]. А по мнению таких ученых, как И. Вахек (1933), Б. Трнка (1935), Н. С. Трубецкой (1980), Т. С. Глушак (1966), Л. Забулене (1975), Л. Р. Зиндер (1997) главным признаком дифтонгов является неделимость их компонентов на слоги. Таким образом, фонологически и фонетически дифтонги можно охарактеризовать следующим образом: 1) дифтонги образуются сочетанием двух гласных или гласного и полугласного в составе одного слога и отличаются от монофтонгов особенностями артикуляционной характеристики; 2) дифтонги представляют собой целостность определенных звуков, т.е., между их компонентами нет ни слоговой, ни морфемной границы; 3) подготовка органов речи к произнесению второго элемента дифтонга начинается не с обычной силой; 4) фонологически дифтонги

являются монофонемами, а фонетически - акустически устойчивыми (устойчивые дифтонги) и неравномерные по длительности и качеству звучания (изменяемые дифтонги), но, несмотря на это, они представляют собой сложные, неоднородные гласные звуки; 5) с точки зрения артикуляции дифтонги имеют наибольшую длительность звучания, чем краткие монофтонги, но не превышают средней продолжительности звучания долгих гласных.

3.2.1. Древние дифтонги и их монофтонгизация. Известный алтаист О. Мудрак отмечал, что в пратюркском языке дифтонги встречаются в первом слоге, а их происхождение он связывал с ударением. В свое время такие ученые, как Х. Педерсен, Ф. Корш, Г. Ракет, Б. Я. Владимирцов также отмечали, что музыкальный акцент в пратюркском языке падает на первый слог. О. Мудрак в качестве аргумента приводит мнение о том, что помимо динамического ударения, которое в тюркских языках падает на последний слог, есть музыкальное ударение, которое как правило падает на первый слог, что, по мнению автора, доказывает наличие дифтонгов в пратюркском языке. Кроме того, он приводил соответствующие материалы, доказывающие пратюркских дифтонгов в некоторых тюркских языках [Мудрак, 1993:107]. В своей работе он восстановил характерные для пратюркского языка восходящие дифтонги *ja, *je, *jo, *jö, *ju, *ji. Ниже мы остановимся на некоторых из них:

*ja: *ja в пратюркском языке в чувашском языке адаптировался путем перехода в разряд нёбных звуков и перехода *j*- в сонорную согласную дает -о- [*q(‘)*ja* > *jo*], а после губных это дает -*ü*-. Например: чув. *jor* „снег“, туркм. *qār*, як. *xār*, тув. *хаг*, уйг. *qar* < пратюркском языке **q`jār* (~ монг. *kirahu „иней“, халх. *хагү*, бур. *xurū*).

Следы дифтонгов *ju, *ji ярко наблюдаются в процессе палатализации согласных звуков. Например: чув. *jüyg-* «звать, кричать», МК *qiqir-*, тоф. *qihir-*, як. *kiḡir-*, хак. *xüig*, алт. *kijgir-* < пратюркском языке **qij`qir-* и т.д. [Мудрак, 1993:110-114].

В древнетюркскую эпоху в тюркских языках были дифтонги. Ряд ученых, как М. Рясянен, Б. Серебренников жана Н. Гаджиева отмечают, что в древнетюркском языке существовали дифтонги, слогаобразующим элементом которых, была долгая или краткая гласная, а вторым элементом — полугласный *j(i)*, но они встречались редко [Рясянен, 1955:66; Церебренников, Гаджиева, 1986: 24]. Ударные дифтонги *aj*, *ej*, *oj*, *uj*, *üj*, *ij*, *j* в сочетании с полугласной *-j(i)* в древнетюркском языке образовали нисходящие дифтонги, которые характерны и для современных тюркских языков, но их слогаобразующий элементы подверглись изменениям в соответствии с развитием гласных в том или ином конкретном тюркском языке.

aj: др. тюрк. aj «луна», кырг., алт., хак., тоф., кум., аз., каз., ккалт. aj; тат., баш. a^oj. Согласно реконструкции А. Щербака в пратюркском языке данный дифтонг имел форму *āj «луна, месяц» [Щербак, 1970:194].

öj: др. тюрк. köj- «гореть», кырг., алт., каз., ккал., ног., уйг., лоб. köj-; др. уйг., уйг. диал., чаг., лоб., хак. köj-; узб. kuj-; турк. göj-; кум. güj-; як. kōj- уйг.диал. kō. По мнению А. Щербака, в составе дифтонга имели место долгие гласные: köj- «гореть». Данная форма характерна якутскому языку: kōj-.

ij: древ.тюрк. qij- «срезать, резать (наискось, косо)», кырг., алт., каз., ног., ккал., тат., баш., кум., турк., гаг. qij-, кум. диал. kij-, хак. hīj-, чув. hāj [ЭСТЯ 1997:203]. Согласно реконструкции А. Щербака, в пратюркском языке данный дифтонг включал в себя долгие гласные: *qīj- «делать что-либо по краю; срезать наискось» [Щербак, 1970:194].

На наш взгляд, есть полное научное основание называть дифтонгами сложные единицы, слогаобразующий элемент которых состоит из долгой или краткой гласной, а вторым элементом является полугласный j(i). Поскольку данные дифтонги могут служить аргументом их перехода в разряд долгих гласных.

В последнее время наблюдаются активные попытки доказательства наличия дифтонгов в древнетюркских языках. К примеру, узбекский тюрколог Э. Умаров отмечает, что в письменных памятниках в честь Кюльтегину и Тонукоку помимо 8 гласных встречаются 6 дифтонгов: 1) уӱ - (Тон₄₈) куӱмус «серебро»: - ку, - ӱ, - му, -с; 2) уӱ: (созулма менен келет): (Тон₄₆) куӱн «день»: - ку, - ӱ, - ӱн; 3) ӱу - (КТб₇) кӱ:унг «рабыня», «служанка»: - кӱ, - ӱ, - унг; 4) ӱу - (КТб₁₂) кӱуйи: «овца»: - кӱ, - у, - йи; 5) ӱу: - (КТб₂) кӱу:п «много»: - ку, - у, - ӱп; 6) у:ӱ: (КТб₂) ку:ӱп „много“: - ку, - у, - ӱп [Умаров, 2015:57-59]. Если брать во внимание тот факт, что древнетюркская письменность основывается на морфонологическом принципе, то следует признать логичность предположений Э. Умарова.

Дифтонги в древнетюркских языках как и дифтонги в современных тюркских языках относились к периферийной части их вокальной системы. По своим скользящим признакам дифтонги противопоставлялись монофтонгам и их было не много в древнетюркских языках.

3.2.3. Дифтонгизация первичных долгих гласных. Дифтонгизация первичных долгих гласных в тюркских языках не имела одиноковый характер. В некоторых тюркских языках они прямо переходили в разряд кратких гласных через дифтонг. Гласные ā, ā̄, ō, ō̄ в древнетюркских языках соответствуют дифтонгам iö, йо, üö в якутском языке, а долгое гласное ū соответствует дифтонгу üi в туркменском языке [Щербак, 1970:143]. Преимущественно, узкие гласные подвергшиеся монофтонгизации в

древнетюркских языках, в современных тюркских языках и некоторых их диалектах вновь перешли в разряд долгих гласных. Академик Б. М. Юнусалиев отметил, что это живое явление в современном кыргызском языке. Относительно данной проблемы он писал следующее: «наряду с сочетаниями звуков “и+й+и или ы+й+ы” произношение долгого гласного [ии] часто встречается в северных и южных диалектах: например, ийн ∞ иин (нора мышки), ийил ∞ иил (гнется ива, тальник); кийин ∞ киин (одеваться); жийирма ∞ жиирма (двадцать) [Юнусалиев, 2013:162].

*ə: > ej; ***ə:** > je - праформа ***bə:š** ~ **рə:š** “пять”, *бай.т.* beš [ДТС 97], *диал. кырг., туркм., узб.лит.яз.* be:š [КТДС 233]; *тоф.* bejš; *як.* bies; *кырг. лит.яз., узб., уйг., алт., аз., к.тат.* beš ж.б. [ЭСТЯ, 1976:126]. В тофаларском языке были исследованы случаи перехода долгих гласных на восходящие, а в якутском на нисходящие дифтонги. В юго-западном диалекте кыргызского языка, в туркменском языке и диалекте узбекского языка сохранилась первоначальная форма с долгими гласными.

*i: > ij – праформа ***i:k** «веретено», *древ.тюрк.* ig/jig [МК III 144], *туркм., Р I₁₄₁₅(тел., алт., лоб., шор., ккир., кюэр., осм., гаг.) i:k, туркм. диал., саг. i:q, узб., лоб. ik, турец. диал. ig, турк., аз. ij, кырг., ккал., алт. ijik, чув. jeke.* Процесс дифтонгизации происходил следующим образом: ***i:** > ij. Однако следует отметить, что дифтонгизация не носила универсальный характер для всех тюркских языков. Среди современных тюркских языков, в диалектах туркменского языка, в халаджском языке встречаются первичные формы долгих гласных, перешедшие в разряд дифтонгов. Такие дифтонги служат доказательством существования первичных долгих гласных в том или ином тюркском языке.

3.2.4. Дифтонги и трифтонги, образованные от древних форм звуковых сочетаний. В кыргызском языке, являющейся близкородственным с тюркскими языками кыпчакской группы, сохранились исторические дифтонги, состоящие из характерного для древнетюркских языков второго компонента полугласного j(i), которые образовались в результате трансформации древних форм звуковых сочетаний модели V+C, которые состоят из гласного неслоговых полугласных j(i), w. Как правило, первый элемент этих дифтонгов называется „ядро“, а второй – „глайд (скольжение)“, по сравнению которой первый элемент имеет четкую артикуляционную базу и произносится дольше. Со временем эти элементы стали артикуляционно, позже акустически ближе друг к другу, а затем в результате полного слияния перешли в долгий монофтонг. Данный процесс в диалектах кыргызского языка происходил по разному.

Развитие звуковых сочетаний по типу V+C. В звуковых сочетаниях в древнетюркском языке модели V+γ и V+g второй компонент изменился на губной согласный звук w, а второй компонент звукового сочетания модели

V+d~δ изменился на полугласный j. Данный процесс, т. е. монофтонгизация дифтонгов, способствовал образованию разных рефлексов в зависимости от внутренних законов каждого тюркского языка. К примеру, вторичные долгие гласные в одних тюркских языках переходили на долгие монофтонги (не во всех случаях - *авт.*), а в других тюркских языках он изменился на краткий гласный, а в некоторых тюркских языках сохранился как дифтонг. Поскольку определение особенностей долгих гласных осуществляется исходя из первого гласного дифтонгового комплекса и, следовательно, первый гласный звук занимает сильную позицию. Изначально данный гласный звук был в составе ударного слога, со временем под воздействием ударного гласного превратился в долгую гласную. Ниже мы остановимся на некоторых лингвистических материалах, показывающих развитие древних звуковых сочетаний типа V+C:

*eg→ей→ээ: согласный звук [ɣ] в звуковом сочетании *eg перешел в сонорный звук [й]. В кыргызском литературном языке произносится как долгое гласное, в одном из диалектов обретает форму дифтонга: *др. тюр. jegrän* «гнедой, рыжий» [ДТС 253]; *кырг. лит.яз. жээрде* > *батк. жейрен* «жер тэгидэ жейрен ат, жейрен атты сойгондо жер тепкилеп ийлэп жат» [КТДС 387].

*uγ→уй→уу: *др. тюр. buγa* “верблюдь-производитель” [ДТС 120]; *кырг. лит. яз. буура* > *чат. буйра* «буйраны айдап келет» [КТДС 260], *жерг. буwра* «чөвкөн буwра» [КТДС 259]; *кырг. лит. яз. куурай* > *жжол., чатк. куйрай* «куйрай жыйып жүргөндө» [КТДС 555].

ай → аа: *кырг. лит. яз. байтал* > *нам. баатал* «бааталдай болуп семирди» [КТДС 172]; *уйг. диал. байта:л* [ЭСТЯ, 1978:36]; *як. ба:йтасын* > *монг. bajita-sun* [Рясянен, 1957:51]. Как видно из приведенных примеров, в языке памирских кыргызов и якутском языке данный дифтонг перешел в разряд долгих гласных.

өй→өө: *кырг. лит. яз. бөөдө* > *чуй. бөйдө* «бөйдө чыгым баш жарат» [КТДС 253]; *кырг. лит. яз. өйүз* < *жерг. өөз* «суwdун ол өөзү бир бөлөк» [КТДС 713]; *кырг. лит. яз. төө* > *нам. төй* «төй агыл» [КТДС 929].

Развитие звуковых сочетаний по типу V+C+V. В звуковых сочетаниях в древнетюркском языке модели V+C+V щелевые согласные *γ, *g в интервокальной позиции подверглись смягчению и перешли на сонорный звук j, в результате чего образовались трифтонги. Среди тюркских языков трифтонги встречаются в якутском языке [Рясянен, 1955: 68], в тарском говоре сибирских татар, также характерны казахскому и кыргызскому языкам, но встречаются редко [Радлов, 1882: 21; Юнусалиев, 1966. С. 28; Сыдыков, 1990:64-67]. В юго-западном диалекте кыргызского языка встречаются трифтонги, а в некоторых случаях и тетрафтонги (*жерг., нам.*

жийөw «өңү сарык, өзү жийөw жүрөт» [КТДС 396]; *лейл.* тийөw «шалысыга тийөw келип жеп жатыптыр» [КТДС 901].

На наш взгляд, в трифтонгах в диалектах кыргызского языка, встречающихся в начале и середине слова, вершина слога соответствует второй гласной, поэтому вторая гласная определяет качество долготы.

*edi~edi~iji→ийи→ии: kedin~keḍin~kejin «назад, сзади» [ДТС 294]; *кырг.лит.яз.* кийин > *пам.* киин «адан киин айтыптыр дейт» [КТДС 504]. Б. М. Юнусалиев приводил примеры монофтонгизации трифтонгов с небными гласными, встречающимся в диалектах казахского, узбекского и татарского языков: *каз.*, *узб.* ин = *кырг.* ийин «нора»; *тат.диал.* тирмен = *каз.* тийирмен~дийирмен (< тегирмен) «мельница» [Юнусалиев, 1966:28].

үйө → өө: *кырг. лит. яз.* бөө > *батк.* бүйө «чайандын бир түрүн бүйө дейт» [КТДС 271]; *кырг. лит. яз.* сүйө < *зам.* сөө «аны эки баласы сөөп турат» [КТДС 818]; *кырг. лит. яз.* сөөмөй < *зам.* сүйөмөй «сүйөмөйүн соройтот» [КТДС 831].

3.2.4. Дифтонги в заимствованных словах и их монофтонгизация. В кыргызский язык были приняты нисходящие дифтонги через слова, заимствованные из монгольского и иранского языков, также восходящие дифтонги через слова арабского происхождения.

В монгольских языках качество долгих гласных, образованных от дифтонгов *ayı, *iye, *üyü, определяет ударный гласный звук в дифтонговом комплексе и эта особенность сохранялась и в процессе заимствования. В большинстве случаев монгольские дифтонги в кыргызском языке сохранили свои изначальные формы и не подвергались трансформации.

В иранских языках нисходящие дифтонги **ei, oü** являются инновационными и их вторые элементы не являются слоговыми. Данные дифтонги употребляются перед согласными во всех позициях:

а) в середине слова: نوچه [ноуче] 1) “букв. новый человек; человек, только что приступивший к работе”, 2) “парень; молодой человек”; в кыргызском языке данное слово имеет вариант “нооча” и означает следующее: (о человеке) “рослый; стройный; обычно о молодом человеке высокого роста; *ср. каз.* науша, *узб.* новча, *уйг.* نوچا [ноча];

б) в конце слова: *п.* علو [элоу] “огонь, пламя”; *ср. тадж.* алов; *кырг. лит. яз.* алоо “огонь, пламя”, в южном диалекте кыргызского языка употребляется вариант “алов” [КТДС, 108] *ср. каз.* алау;

в) После гласных: из комбинации дифтонга [oü] и гласного [ā] в кыргызском языке образовались долгие гласные [oo], [өө]: *п.* ناو [нāv] 1) “военный корабль”, 2) “канал”; 3) “арык”; *ср. тадж.* нова; *кырг.* ноо “жёлоб, корыто” [КТДС, 453]; *ср. каз.* науа, *узб.* нов, *уйг.* نو [но]; *п.* گاو ميش [гāv-миш] «буйвол» گاو [гāv] “корова; бык, вол” + ميش [миш] “овца”; *ср. кл. п.* гāv, *тадж.*

говмеш; *юж.диалект. кырг.яз.* көөмүш же көөмүш уй “многоудойная корова”; *ср. узб.* гавмуш “*букв.молочная т.е. многоудойная*” (*о корове*);

Звуки [ú] и [û] в арабском языке в комбинации со слоговым гласным образуют восходящий дифтонг аў и нисходящий дифтонг ау.

Дифтонг аў в определенном историческом этапе развития долгих гласных он перешел в долгие гласные [oo] и [өө]. Данный дифтонг в казахском языке имеет форму [au], узбекском [av], а в уйгурском языке дифтонг подвергся трансформации и в результате вместо него употребляется вариант, произносимое которого близко артикуляции исходного языка (здесь имеется в виду арабский язык – *авт.*): а) аў→oo: *ар.* تَوْبَةٌ [тоубэ] “тообо, тобо кылуу”; в кыргызском языке употребляется в разных фонетических вариантах: тобо//тооба *ср. каз.* тоба, *узб.* тавба, *уйг.* تەۋبە [таувба] и т.д. б) ау→өө: *ар.* نَوْبَةٌ [наубэт] “очередь”; в кыргызском лит. яз. “нөөмөт”, в диалектах используются фонетические дублеты “нооват//нөөвэт”; *ср. узб.* навбат, *уйг.* نەۋەت [новэт].

В четвертой главе “Вторичные долгие гласные в кыргызском языке” исследованы долгие гласные, образованные в результате опущения согласного в интервокальной позиции между корнем/основой и морфемой, вокализации согласных в составе аффиксов путем их спирализации, а также в результате позиционно-комбинаторных изменений и воздействия эмфатического ударения.

4.1. Долгие гласные в составе корня (/корневое слово) в кыргызском языке. Вторичные долгие гласные развивались в составе корневых слов (исторически производные слова). Фонетические структуры корневых слов подверглись неодинаковым изменениям. Поскольку некоторые корни подвергались трансформации первыми, что в определенной мере зависело от их частоты употребления и семантических особенностей. В кыргызском, алтайском, тувинском, хакасском, шорском, тофаларском, гагаузском языках и в некоторых диалектах тюркских языков долгие гласные образовались за счет выпадения таких щелевых согласных, как ғ [ɣ], ң [ŋ], й [j], в [v], а в некоторых случаях взрывных согласных, таких как г [g], к [k], б [b], п [p] в составе интервокальных слогов типа Г+С+Г. Помимо этого, образованию упомянутых долгих гласных послужило наличие сонорного согласного, схожего по своей артикуляционной характеристике гласному, который не занимал противоположную позицию по отношению к следующему гласному. Что касается слогов типа Г+С, то в их составе вторичные долгие гласные произошли вследствие спирализации щелевых согласных, благодаря чему происходило их слияние с гласным звуком. Подобные фонетические процессы происходили в разных тюркских языках по разному, а иногда в одном языке они имели разные локальные особенности. К примеру, в тувинском языке согласные [ɣ], [ŋ] в составе

устойчивых звуковых сочетаний в древнетюркских языках типа Г+С+Г и Г+С, сохранили свои древние формы, в юго-западном диалекте кыргызского языка они подверглись смягчению (ғ > w, г > й) и обретали переходные формы следующих моделей: гласный звук + w, гласный звук + й, а в юго-восточном диалекте кыргызского языка, а также в алтайском языке они перешли в разряд долгих гласных или глухих согласных (*диал. кырг.* кыштак, *каз.* қышлак). В кыргызском языке, особенно в его диалектах сохранились все этапы эволюции долгих гласных (гласный звук + ғ > гласный звук + w//гласный звук + й// гласный звук + қ > долгий гласный звук) в составе слогов типа Г+С+Г и Г+С, а в алтайском языке данный процесс завершился переходом их в разряд кратких гласных звуков. Иными словами, эти языковые факты доказывают, что упомянутые выше процессы не завершались переходом устойчивых звуковых сочетаний в древнетюркских языках в долгие гласные, поскольку в ходе следующих этапов вышеуказанные звуковые сочетания переходили в разряд кратких гласных звуков.

Долгие гласные в составе корня образовались по 12 типам (*aуа, *aу1, *aуи, *ägü/egü, *aңа, *aңä, *ava, *avu, *ejä, *oуа, *oуи, *uуи) модели Г+С+Г и по 6 типам (*aу, *1у, *oу, *uv, *aq, *öv) модели Г+С+Г. Например, *ägü/egü → öö: *древ.тюрк.* كۆز اگۈ közägü “көсөө”. В составе пословицы: اَلِكْ كُيْمَاسْ كُز اَزُونْ بُلْسَا *közägü uzun bolsa älik küjmas* - Көсөө узун болсо, кол күйбөс [МК I 441_{акад.}]; в таких письменных памятниках как “Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак (/Книга познания языка тюрков)” küsevüv, “Кодекс Куманикус” kösöv, “Китаб ат-тухва аз-закиййа фи-л-луга ат-туркиййа” встречаются такие варианты, как kösegi~kösev [KTS 159; 169]; *кырг.* көсөө, *зам., джерг.* көсөw [КТДС 547]; *тур.диал.* көсе:; *каз., ккал.* көсев; *тат., тат.диал.* кисэв. Э. Севортяном выявлены следующие этапы развития слов с окончанием -egü: -egü > -eg > -ev > -öö [ЭСТЯ, 1997:119]. Мнение ученого подтверждается языковыми фактами из средневековых тюркских письменных памятников и материалами современных тюркских языков. В данном случае подвергся редукции не интервокальный щелевой согласный звук, а узкий гласный звук в составе последнего слога. Из сибирских тюркских языков тувинском, тофаларском языках и теленгитском диалекте алтайского языка были образованы долгие гласные на стыке двух морфем, а именно между глаголом köze и аффиксом -үіс: көзе:ш, көзү:ш [Р II₁₃₀₁; Р II₁₃₀₃]; *1у → уу: *древ.т.* тар1у ~ тар1қ 1) зерно, злаки, хлеб [ThS II₈₁]; 2) просо [МК I 373]; 3) земледелие, земледельчество [QVK 333₁₅]; в кипчакских письменных памятниках встречаются такие фонетические модификации, как тар1у ~ тар1 ~ тару [KTS 263; 264]; *чаг.* тари; *мар.* тері; *син. уйг.* тар1у [Räsänen, 1969:464]; *кырг., тел.* таруу, *джерг., өзг.* тарык, *зам.* май тарук “сүткө бышырылган май салынган таруу” [КТДС 868]; *алт.* тара:н “просо, пшено” [Ойр.-рус.сл., 1947:142]; *тув., тув.диал., шор.* тара:; *тоф.* дар:; *кум.* тари:; *чув.* тыра [ЭСТЯ, 1980:157]; *алт.*

тару [Вербицкий, 2005:339]. Звуковое сочетание *ɣ в саяно-алтайских языках имеет форму [aa], а в кыргызском языке перешел на долгий гласный звук [yy]. Исходной формой лексемы *tarɣ~tarɨq* является (*tar + *-ɨ* + *-ɣ*) *tar, в письменных памятниках встречаются её производные формы, такие как *tarlay* “поле, нива”, *tarɣɨ* “земледелец”, *tarɣɨlɨq* “амбар” [ДТС 538]. А в языке памирских кыргызов до настоящего времени используется слово *тарылга* “айдоо” (пашня). Кыргызское слово “талаа” в казахском и башкирском языках произносится как “дала”, что свидетельствует о фонетической трансформации древнетюркского слова *tarlay* (*p~l* историческое изменение звуков).

4.2. Долгие гласные, образованные в результате развития морфологической структуры слова. Фонетические изменения в тюркских языках в основном происходят на стыке морфем, а именно между корнем/основой и аффиксами происходит ослабление интервокального положения согласных, в результате чего сливаются две гласные, что приводит образованию долгих монофтонгов.

4.2.1. Долгие гласные, образованные в результате фонетических изменений на стыке корня/основы и аффиксов. Такие аффиксы, как -га (*-*ɣa*), -аан (<*-*n/-in/-an*), -ооч (<*-*γič/*-γuč*), -аак (<-*ɣaq*), -аан (*<-*ɣan*) -аар (<*-*r/-ar*), -ып (*-*ip/*-ip*) были образованы путем слияния гласных на стыке двух морфем.

Аффикс-аан (<*-*n/-in/-an*). С участием данного аффикса осуществляется лексикализация некоторых глаголов и образуются имена существительные, выражающие характер, особенность действия [Кыргыз адабий..., 1980:159]. В древнетюркских письменных памятниках они имели такие формы как *-*n* (-*in*, -*in*; -*an*, -*än*): *erig til ot ol kör köjär teg jalın* “грубый язык словно огонь, горящий пламенем” [ДТС 229]; *يُغْنُ ثَبْرَاقُ jüγin topraq* “үйүлгөн топурак” [МК III 17]. Изменение фонетического состава данного аффикса, а именно формирование в его составе долгих гласных происходил в поздних этапах развития кыргызского и алтайского языков. Вариант -аан с долгим гласным в составе путем слияния гласных в составе корня и аффикса. Данный аффикс встречается в форме непродуктивных аффиксов в составе имен существительных: *кырг.* жаан “дождь”, булаан/булоон “разграбленный”, серүүн “прохладный”, жыгаан “место на берегу арыка, где можно было направлять русло для полива”, *жжол.* мүрөөн „много, изобилие“, *ср. алт.* серүүн „прохладный, прохладно“, сүреен „очень, весьма“, *тоф.* сериин 1) “(о погоде) свежий”, 2) “прохладно”, төрөөн “родной”.

В тувинском языке нет варианта данного аффикса долгим гласным -аан, но путем соединения к глаголу, который оканчивается гласным, образуется долгий гласный звук: ижэ- “залегать в берлогу” + -ын < ижээн.

4.2.2. Долгие гласные, образованные в результате отпадения интервокальных согласных. Долгие гласные, образованные в результате выпадения интервокальных согласных в составе аффиксов, встречаются в составе следующих грамматических форм как **-аак**, (<*-q/-ïq/-uq/-aq), -аат (*-aüt), -коол/-оол, -дооч (-ла + -гыч), -анак/-анак/-ааган и -саак.

Аффикс **-аак** (<*-q/-ïq/-uq/-aq) участвуют в образовании конкретных имен существительных от глаголов. По мнению исследователей, аффикс *-yaq образовался в результате отпадения звука [γ], который встречается в тюркских письменных памятниках в разных фонетических вариантах, таких как -q/-ïq/-uq/-aq: ol **bîĉaq** bilätti “он дал наточить нож” [ДТС 98]; emit bu on türlüğ **jazuqda** boşunu ötünür biz “теперь мы обращаемся с мольбой, чтобы избавиться от десяти разных прегрешений” [ДТС 251]. Вариант данного аффикса, с долгим гласным в составе, в кыргызском языке образовался в результате перемещения с одного слога на другой: сызда + -ак < сыздоок «өзөктөнүп, томпоюп чыккан жара», сүрдөөк “жалтанчаак», жалаак «кошоматчы, жасакер», *пам.* аймоок “бир нерседен чыкпас үчүн жасалган түйүнчө”, аңылдаак “ичине сыр сактабаган, даалдак”, боздоок (төө жөнүндө), кармаак “1) колу кармаак, 2) туткак, ууру”, тырмаак “тырмап алган”, *чүй.* сайраак “жаагын жанып көп сүйлөгөн”, *атб.* сойлоок «ичке шыргый».

4.2.3. Долгие гласные, образованные согласно модели V + C. Долгие гласные -оо/-өө (<*-aγu/*-əγü), -луу (*-lïγ), -оо/-өө, -уу/-үү (<*-ïγ; <*-γu) встречаются в составе таких аффиксов, как оон (<-оо + -ын), -кылоон (<-гыл + -оо + -ын) -оочу (<*-γuĉi).

Аффикс **-оочу** (<*-γuĉi) является одним из древних аффиксов, происхождение которого объясняется слиянием двух грамматических форм, имеющих разные грамматические значения: *-γuĉi > -γu (аффикс, образующий имена существительные от глаголов) + -ĉi (аффикс, обозначающий профессию). Встречается в Орхоно-Енисейских памятниках: qaγanï alp ermiš aγuĉisï bilgä ermiš “по слухам, каган – герой, [a] советник его – мудрый” [Тон₂₉]. По мнению Махмуда Кашгари, данные сложные формы глагола встречались в языке таких тюркских этносов как чигил, кашкар, баласагын, аргу, барсган, уйгуры. Например, يا قُرْغُجِي ja qurγuĉi “жаа керүүчү”, قوي سَغْفُوجِي qoj saγuĉi кой саачу киши [МК II 41]. В современных тюркских языках аффикс -оочу (<*-γuĉi) высокий деривационный потенциал: *ср. алт.* баштаачы “подлежащее”, угаачы “слушатель”, *тув.* ажыдыкчы “открыватель”, аазакчы “обещающий”, *тоф.* съатыгышы “продавец”, *хак.* күрезигчи “борец”, *каз.* сұраушы “просящий” и др. Аффикс *-γuĉi в кыргызском, алтайском, шорском и тувинском языках перешел в разряд долгих гласных. В кыргызском языке широко используется вариант с узкими гласными, тогда как для южносибирских тюркских языков характерны варианты -аачи/-эечи. В тувинском языке данный аффикс относится к разряду

непродуктивных морфем [Исхаков, Пальмбах, 1961:313]. Например: *кырг.* баштоочу, жазалоочу, жазуучу; *алт.* баштаачы “подлежащее”, бұдүрөөчи “исполнитель”; *шор.* кадаачы~кадаатчы «караульщик», угаачы «послушный»; *тув.* бижээчи “пишущий”, хүндүлээчи “уважающий”. Трансформация аффикса происходила по следующей схеме: -үиṣī < -owṣu < -оочу/-уучу. Промежуточная форма перехода аффикса на долгий гласный звук (-owṣu/-uṣu) в настоящее время используется в таласском говоре, северо-западном говоре юго-восточного диалекта. Например, *диал.* жолоwчу ~ *ад.т.* жолооочу, иштөwчу~иштөөчу, байkowчу~байкоочу и др.

4.2.4. Долгие гласные, образованные под воздействием эмфазы. Как известно, эмфатические долгие гласные не имеют смысловозначительного значения, поэтому долгие гласные могут утратить признак долготы. Следовательно, не всегда сохраняется краткая/долгая модификация долгих гласных, образованные под воздействием эмфазы. Эмфатические долгие гласные встречаются в составе окончаний, таких как -рак/-ырак/-ыраак (-raq/-ïraq/-ïrāq), -чак/-чаак (-čaq/-čāq), -как/-каак (-ṡaq).

Аффикс **-чак/-чаак (-čaq/-čāq)** является синонимом аффикса **-анаак**, который выражает семантику способности, склонности человека чему-либо: *унутчаак аял, адашчаак бала* и т.д. Аффикс -čaq/-čāq, образован путем соединения двух аффиксов -čaq > -č + -q, которые имеют уменьшительно-ласкательную семантику. В письменных памятниках один из древних аффиксов имел в своем составе краткую гласную и использовался крайне редко: *بَسِنْچَاقْ* *basinčaq äg* «*басынчаак (тартынчаак) эр*» [МК I 489]. Уменьшительно-ласкательная семантика данной грамматической формы сохранилась в джерге-тальском говоре кыргызского языка: *джерг.* кочкорчээк «кичине, жаш кочкор», *джерг.* пахсачээк «кичине бакса». А в современных тюркских языках относится к числу продуктивных аффиксов. В кыргызском языке употребляется с кратким и долгим гласным в составе (*кырг.* жулунчак ~ жулунчаак, бакырчак ~ бакырчаак; *шор.* ундуткак ~ ундуткаак, сынчак ~ сынчаак), а в алтайском языке сохранилась долгота произношения: *ср. алт.* үркүнчээк «пугливый», ачинчаак «сердитый», коркынчаак /коркунчаак «боязливый».

Таким образом, долгие гласные, образованные в результате фонетических изменений на стыке корня/основы и аффиксов явление, характерное для поздних этапов развития тюркских языков. Данное явление в кыргызском, алтайском, тувинском, хакасском, шорском и туркменском языках развивалось по-разному.

4.3. Позиционные долгие гласные в кыргызском языке. Изменение позиционно-комбинаторных условий, а именно долгота произношения гласного (обычно широкого гласного - *авт.*) в слогe, находящийся

в препозиции по отношению ударному слогу, послужило предпосылкой возникновения позиционных долгих гласных в тюркских языках. Следует отметить, что эти же предпосылки в некоторых из них способствовали повышению лишь квалитетических показателей гласных. По мнению исследователей, позиционные долгие гласные характерны для кыпчакской группы тюркских языков и тюркских языков, подвергшихся кыпчакизации, а фонематическим свойством они владеют лишь в сибирских тюркских языках. Есть все основания полагать, что в развитии фонетической системы кыргызского языка были позиционные долгие гласные, а их рудименты встречаются в юго-западном диалекте кыргызского языка.

В юго-западном диалекте кыргызского языка, в основном в двусложных словах модели VC-CV, CV-CV, CV-CVC, CVC-CVC, а в некоторых случаях в словах, состоящих из нескольких слогов, по типу CV-CV-CV, CV-CV-CVC, VC-CVV-CV, краткие этимологические гласные переходили в разряд долгих гласных. Например, переход широких, кратких гласных в долгие гласные наблюдается в словоформах типа VC-CV: *батк. аагыл* ~ *лит.яз. агыл* „короо“, *пам. аарык I* ~ *лит.яз. арык* „суу агызуу үчүн казылган алыш“, *пам. аарык II* ~ *лит.яз. арык* «эти качкан, майсыз», *лит.яз. аарчы-/арчы-* „тазалоо“.

Таблица 4.1. – Позиционные долгие гласные в юго-западном диалекте кыргызского языка

№	Говоры юго-западного диалекта	Норма литературного языка	Значение
1	<i>батк. аагыл</i>	агыл	короо (овечий загон)
2	<i>пам. аарык</i>	арык	суу агызуу үчүн казылган алыш (канал, служащий для орошения полей)
3	<i>пам. жаарык</i>	жарык	нур, шоола (свет. луч)
4	<i>батк. тогуз</i>	тогуз	сан (число)

Подобные фонетические явления характерны южному (алтай-кижи) диалекту алтайского языка и тувинскому языку: *алт. а:рчы* «национальная еда», *а:ңчы* «охотник», *а:йбы* «просьба»; *тув. а:дыг* „медведь“, *а:жыг* „кислый“, *а:лыр* „брат“, *а:рын* „лицо“ [Шалданова, 2003:150; Дамбыра, 2005:174]. В словах в алтайском языке, звуковой состав которых соответствует модели VC-CVC, гласный звук [а], в составе первого слога, произносится как долгое гласное: *алт. а:лкыш* «благословление», *а:ртык* «лишний». В каа-хемском говоре тувинского языка широкий гласный звук [э] перед мягкими и сонорными произносится как долгое гласное: *э:жик* „дверь“, *э:лик* „косуля“, *э:рик* „берег“. В тюркологии большинство ученых отмечают, что очень важно рассматривать долготу гласных в неразрывной связи с долгими гласными, образованными в результате позиционных изменений. По

мнению А. П. Дульзона, первичные долгие гласные сохранились в односложный, в большинстве случаев в двухсложных словах в сибирских тюркских языках: а:урыу «болезнь», са:рыу, а:ра «промежуток», мө:рү «волк», ө:дүк «сапоги», а:чук «голодный», са:зыу «зловонный». По его мнению, первичная долгота гласных сохранилась в притяжательных аффиксах, *ср.* в чулумском тюркском языке: пала:м «мое дитя», едзе:м «моя мать», тура:м «мой город», кужу:м «моя птица»; койбалском диалекте хакасского языка: пала:м «мое дитя», хузу:м «моя птица» [Дульзон, 1973:100]. Согласно выводам осциллографических исследований Р. М. Бирюковича, в чулумском тюркском языке после притяжательных аффиксов широкое гласное в первом слоге иногда произносится как долгое (ot – o:dym, kas – ka:zym ж.б.), а в некоторых случаях как краткое гласное (til – tilim, kys – kyzym ж.б.) [Бирюкович, 1975:60]. Приведенные выше мнения А. П. Дульзона и Р. М. Бирюковича подтверждаются фактами из письменных памятников. К примеру, переход краткого гласного на долгий гласный звук в рамках слов, звуковой состав которых соответствуют модели VC-CV, встречается в словаре Махмуда Кашкари и манихейских памятниках, найденных в Турфане: *الأسدى* *āsdi* „асты“ – *أَلْ أَتِ الْأَسْدَى* *ol ät āsdi* „ал эт асты“ (МК I 195_{акад.}); *الأچتی* *āçti* „ачты, ачка болду“ – *أَرْ الْأَچْتَى* *är āçti* „эр ачка болду“ (МК I 194_{акад.}); *ölmäkin özti* «он освободился благодаря смерти» (ДТС 375:Man III 40₂).

Таким образом, можно прийти к выводу, что в кыргызском языке, а также хакасском, шорском, тувинском и алтайском языках Южной Сибири встречаются позиционные долгие гласные, которые характерны также для языка памирских, джерже-тальских кыргызов, а некоторые элементы встречаются и в языке ичкиликских племен, проживающих в Баткенском, Аксыйском, Ноокатском районах. Как уже отмечалось выше, долгие гласные, сохранившиеся в словарном корпусе обособленных диалектов кыргызского языка, вполне можно рассматривать как следы первичных долгих гласных.

4.4. Эмфатические долгие гласные в кыргызском языке. В целях речевого воздействия на адресата долгота произношения некоторых гласных звуков называются эмфатическими долгими гласными, которые в соответствии с речевой ситуацией, выполняют апеллятивную функцию. Акустико-артикуляционная база эмфатических долгих гласных аналогична обычным долгим гласным, но они отличаются по происхождению и функциям. Функция эмфатических долгих гласных заключается главным образом в воздействии на эмоциональное состояние слушателя с учетом условий конкретной речевой ситуации. В кыргызском языке эмфатические долгие гласные встречаются в особых частях речи и частицах.

4.4.1. Эмфатические долгие гласные в междометиях. Подавляющее большинство междометий, выражающие различные чувства, эмоции человека и обращения к животным, состоят из эмфатических долгих гласных:

а) эмфатические долгие гласные в междометиях, выражающих чувства 1) выражение чувства сожаления: *оо - Оо, поезд келүүгө али көп бар экен, - деди* [КТТС, 1969:466]; 2) подтверждение, согласие: *ии / ийи – Ии-ии, ар нерсенин бышар мезгили болот!* (Р.Ш.); 3) поощрение, похвала: *ийй! - Иий, учу узарган өкмөт, сени ушунча киши кылды, ээ!* (Т.С.); 4) удивление: *аа – Аа, ошондой беле?* (из устной речи); 5) поддержка, подзадоривание: *батк. ааш - Ааш, ошон дагы* [КТДС, 1972:2] // *ср. тув. оош!* (подзадоривание акынов, сказителей) [Исхаков, Пальмбах, 1961:457] и др.; б) эмфатические долгие гласные в междометиях, выражающих команды и призывы, обращённые к животным: *Куу-куу!* (подзадоривание скакунов криками во время скачки) - *Куу-куу! Буудан көк, Жай чилдеде сууган көк!* (Тоголок Молдо) // *ср. тув. кууг!* (поддержка криками наездника во время скачки) [Исхаков, Пальмбах, 1961:457]; *Оок-оок!* (подзывание коров) // *ср. тофа. ооғ-ооғ* (подзывание оленей) [Тофаларско-русский словарь, 2005:73] и др.

4.4.2. Эмфатические долгие гласные в составе звукоподражательных слов. В кыргызском языке эмфатические долгие гласные встречаются в составе слов, подражающих животным, неодушевленным предметам, человеку. Многократное повторение таких мимем выражает долготу длительность издаваемых звуков. По своим семантическим особенностям они делятся на следующие группы:

1) долгие гласные в составе звукоподражательных слов, имитирующих крик птиц: *Куу* (подзывание балабана во время тренировок, крики, отпугивающие хищных птиц и т.д.): *Кулалы куш жүрөт имиш, «Куу!» дегенди сүйөт имиш* (К.Ж.) [КТТС, 1969:367] // *ср. тоф. хуу-хуу* (звукоподражательные слова, имитирующие крик совы) [Тоф.-русс. словарь, 1971:36]. Данная мимема имеет непосредственную связь со словом „куу“ т.е., „лебедь“. В тюркских языках известны следующие фонетические варианты: *кырг., алт., кум. тув., тоф. куу, хак. хуу, аз. куғу, түрк. кув**, следующие трансформации показывают развитие долгого гласного в составе данного слова: *Куғу, кув*у, кув*, ку:, ку уғу / оғу* [ЭСТЯ, 2000:102]. В кыргызском языке данное слово используется в качестве компонента метафоры: „куу сакал“, „куу баш“.

2) долгие гласные в составе звукоподражательных слов, имитирующих звуки, издаваемых человеком: *Шуу* – 1) слово, имитирующее сильный вздох, дуновение ветра, а также высокую скорость; 2) *перен.* Выражает чувства страха, испуга. – *Жүрөгүм шуу этти* (оозеки кептен) ~ шуулда- (шуу-шуу – имитация дуновения ветра) [КТТС, 1969:736] // *ср. чув. 1) Шӯ* (имитация свиста) – пульсесем *шӯ-ӯ!* *шӯлессё* „октор шуулдап өтүп жатты“, 2) Появление чувства страха, испуга – *чун шӯ!* *туса кайрё* „мени коркунуч басты“ [Чув.-русс. словарь, 1985:620]; *алт. шуу* (имитация дуновения ветра);

шуурган (снежная буря, выюга); шуула- (звук дуновения ветра) [Ойротско-русский словарь, 1947:162].

4.4.3. Эмфатические долгие гласные в частицах. В кыргызском языке вопросительные частицы *ии*, *ээ* состоят из эмфатических долгих гласных, которые выражают разные семантические, модальные оттенки вопросительных предложений. В зависимости от контекста они могут выступать в роли не только частиц, но и междометий.

4.4.4. Эмфатические долгие гласные в модальных словах. В кыргызском языке есть модальные слова *ооба*, *диал.* *тэң/тээң*, с эмфатическими долгими гласными в составе, которые выражают семантический оттенок неверия и мягкую форму отрицания. В юго-западном диалекте кыргызского языка, исходя из конкретной речевой ситуации, лексема «тэң/тээң» произносится с долгим и кратким гласными: *Тааң, Саматтын андай экенин билбептирмин* (из устной речи). В хакасском языке эти слова выступают в роли отрицательных частиц и имеют такие семантические оттенки отрицания, как „не знаю“, „кто бы мог знать“, „понятия не имею“. Например, *Ўгретчибис городтаң айланган ма? – Тааң, пілбинчем «Наш учитель вернулся из города? – Понятия не имею»* [Грам. хак. языка, 1975: 251]. В тувинском языке используется краткая форма данного слова: *Угбам та кайнаар мени дилеп чораан „Не знаю (кто её знает), где искала меня старшая сестра“* [Исхаков, Пальмбах, 1961:432].

Важно отметить, что эмфатические долгие гласные имеют динамическую природу, что предполагает появления разных их вариаций в соответствии с конкретными экстралингвистическими факторами речевого акта. Поскольку основная функция эмфатических долгих гласных заключается в воздействии на сознание адресата и эта основная их функция сохранялась во всех этапах развития языка.

В пятой главе «Долгие гласные в составе заимствованных слов» исследованы долгие гласные звуки в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков.

5.1. Долгие гласные в заимствованных словах из монгольского языка. Этнокультурные, экономические и политические отношения между древними тюркскими племенами и монголами берут свое начало с древних времен. Такая многовековая тесная связь, сотрудничество и взаимодействие оказали большое влияние на фонетический, грамматический строй и лексический состав тюркских и монгольских языков. Фонологическая оппозиция кратких/долгих гласных в монгольских языках характерна для таких монгольских языков, как халха, бурятский, калмыцкий, монгорский, дагурский, монгольский. Среди монгольских языков система гласных халханского, бурятского и калмыцкого языков, имеющих(ся) тесную связь с тюркскими языками, выглядит следующим образом: в халханском языке 8

кратких (а, э, ө, ү, о, у, ы, и) 6 долгих (а:, э:, ө:, ү:, о:, у:), в бурятском языке 6 кратких (а, э, о, и, у, ү), 7 долгих (а:, э:, о:, и:, у:, ү:, ө:), в калмыцком языке 8 кратких (а, э, е, э, о, и, у, ү) и 8 долгих (а:, э:, о:, у:, е:, ү:, э:, и:) звука, среди которых звуки э и э: в отличие от калмыцкого языка, отсутствуют в бурятском и халханском языках. Развитие оппозиции длинное/краткое в монгольских языках связывают с звуковым сочетанием в древнетюркском языке модели V+C+V и развитием дифтонгов [Санжеев, 1953:77-83; Поппе, 1955:59-76; Рассадин, 1982:38-68]. Звуковой комплекс V+C+V Б. Я. Владимирцовым определяется как основная модель в процессе происхождения долгих гласных в монгольских языках [Владимирцов, 1929:192-310]. К этой же точке зрения присоединяется Н. К. Дмитриев, по мнению которого вторичные долгие гласные в тюркских языках образовались в результате слияния гласных звуков, и в этом отношении тюркские и монгольские языки сходны между собой [Дмитриев, 1955:198]. Известный монголовед и специалист по лексикологии тюркских языков В. Я. Рассадин разделяет параллели в тюрко-монгольских языках на три группы: 1) тюрко-монгольские элементы характерные с одной стороны общетюркским языкам, с другой стороны монгольским языкам; 2) лексика (морфологические средства) заимствованная в тюркские языки более поздние периоды с признаками, характерными исключительно монгольским языкам; 3) лексика (включая морфологические средства), заимствованная в монгольские языки в поздние периоды с признаками, характерными исключительно тюркским языкам [Рассадин, 2019:124].

Основываясь на приведенном выше мнении В. И. Рассадина, тюрко-монгольскую лексику, содержащую долгие гласные, можно разделить на три группы: 1) производные глаголы, соматические слова, термины родства, названия домашних животных, явления природы, составляющие базисную лексику языка; 2) тюркская лексика, имеющая признаки, свойственные исключительно тюркским языкам, заимствованная в более поздние периоды по сравнению с монгольскими языками; 3) монгольская лексика, имеющая признаки, свойственные исключительно монгольским языкам, заимствованная в более поздние периоды по сравнению с тюркскими языками.

5.1.1. Общие долгие гласные для тюркских и монгольских языков.

В данном параграфе долгие гласные были разделены на три группы по занимаемой ими позиций т.е., долгие гласные в начале, середине, и в конце слова.

Бай.т. аүйл «загон для скота» (Е 47₅); кипчакских письменных памятниках аүйл «загон для мелкого скота» [KTS 3]; *кырг.*, *алт.* айыл; *кырг.диал.*, *туркм.*, *диал. узб.яз.* а:ғыл «короо»; в языке заминских кыргызов; *тел.*, *шор.*, *тоф.*, *хак.*, *тув.* а:л; *туркм.* агыл, *ног.*, *ккал.* авул, *каз.* ауыл, *як.*

бал; В тюркских языках известны такие значения, как «селение, семья; стан, хлев; загон для скота»; *ср. эск.монг.* *ayıl* [$\leftarrow *a\ddot{y}il$], *халх.*, *бур.* *айл*, *калм.* *э:л*, *мнгр.* *айіл* «группа юрт; селение» [ЭСМЯ I 61]. Древняя форма *а:гыл*, в кыргызском, алтайском и монгольском языках звук [ɣ] подвергся смягчению и перешел на звук [й]. В юго-западном диалекте кыргызского языка [КТДС 70], огузском диалекте узбекского языка и в туркменском языке сохранена форма *а:гыл*. Важно отметить, что в сибирских тюркских языках в двуслоговых словах (*а:грыг*, *а:ра*, *а:чук*) имеют место вторичные долгие гласные, которые, по мнению некоторых ученых, имеют непосредственную связь с первичными долгими гласными [Дульзон, 1973:100; Бирюкович, 1975:60].

В тюркских языках звуковой состав лексемы *а:л* развивался в следующей последовательности: $*a:гыл < агыл < авул < авыл < ауыл < айыл < аал$. В кыргызском и алтайском литературных языках сохранена форма *айыл*, а в телеутском диалекте алтайского языка, шорском, тофаларском, хакасском языках отпал звук -й- подвергся редукции, в результате произошло слияние звуков [а] и [ы], согласно следующей схеме: $*агы \rightarrow агы \rightarrow авы \rightarrow ауы \rightarrow айы \rightarrow а'ы \rightarrow аа$. Также можно рассматривать как результат метатезы формы *ыал* в якутском языке.

Переходная форма *айл~айіл* характерна халхаскому, бурятскому и монголскому языкам, а форма *ээл* относится к калмыцкому языку, в котором путем перехода звукового сочетания $г+й+i$ на дифтонг, который в последующих этапах развития языка перешел в разряд долгих монофтонгов. Известный монголовед Б. Я. Владимирцов объясняет этот процесс следующим образом: «...второй гласный в звуковом сочетании $v+й+i$ занимал гласным в слабую позицию, в результате звуковой комплекс $v+й+i$ изменился в халхаском и новых диалектах монгольского языка. Таким образом, начался процесс перехода к дифтонгам, согласно следующей схеме: $v+y+i \rightarrow v+i+i$ [Владимирцов, 1929: 192-222]. Как отмечает Ц. Д. Номинханов, дифтонги, образованные с помощью звукового сочетания $v+й+i$ являются результатом отпущения звука -й-, что привел к слиянию двух гласных звуков. Переход дифтонгов в долгие монофтонги является живым процессом в халхаском и бурятском языках, а в калмыцком языке данный процесс завершился в конце XIX века [Номинханов, 2000:201-213]. В калмыцком языке интервокальный звук -й- в составе звукового комплекса *айй*, подвергся редукции, в результате чего образовался дифтонг $v+i$, который перешел в долгие гласные [ээ]: $*агй \rightarrow ауі \rightarrow ауі \rightarrow а'і \rightarrow ээ$. Таким образом, выявлено, что фонематические дифференциальные признаки долгих гласных в монгольских языках определяет гласный звук в составе второго слога, а в тюркских языках, наоборот, качество долготы определяется качеством гласного в первом слоге.

5.1.2. Долгие гласные в словах, заимствованных из тюркских языков в монгольские языки. В названном разделе представлен структурный, этимологический анализ 16 лексем, в составе которых встречаются долгие гласные.

Др.тюрк. *arīγ* (Uig I 29₁₂); кипчакских тюркских письменных памятниках *arīγ* [KTS 11]; *кырг.* аруу, *кырг. диал., ккал.* аруу; *алт., каз., тат.* ару, *баш.* арув, *хак., тув.* арыґ, означают «чистый; священный; невинный» [ЭСТЯ, 1974:184]; *ср. эск.монг.* *arīγ (→*arīγun*), *халх.* ариун, *бур.* арюун, *даг.* аруун «чистый; священный (о местности)» [ЭСМЯ I 55]. Древний аффикс *-*īγ* в составе слова *arīγ* в северном диалекте кыргызского языка подвергся трансформации, в результате чего образовался долгий гласный звук, а в юго-восточном диалекте сохранилась форма *аруу*, модификация которой ариун/арюун/аруун встречаются в современных монгольских языках. В данных модификациях наличие аффиксов -ан/-ун имеет закономерный характер, поскольку названные аффиксы присоединяются в процессе адаптации в монгольских языках. В результате палатализации комплекса *īyu, в составе лексемы *arīγun* адаптированный в старомонгольском языке, образовался долгий гласный звук: *др.тюрк.* *arīγ → *эск. монг.* *arīγun* < *бур.* арюун < *даг.* аруун. В бурятском языке сохранилась промежуточная форма.

5.1.3. Долгие гласные в словах, заимствованных из монгольских языков в тюркские языки. В данном разделе выявлено 15 моделей звуковых сочетаний от которых образованы долгие гласные в словах монгольского языка. В целом, анализируется 51 слов.

*aγa → *aa*: *эск. монг.* *baraγan*, *халх.*, *бур.* бара:(н), *ст. калм.* бара:, *калм.* баран «силует, очертание» [ЭСМЯ I 76]; *ср. кырг.* бараан «караан, элес, сөлөкөт», *алт.* бара:н, бараан кара «темный цвет; неясные контуры, очертания, силуэт». Долгий гласный звук в монгольском языке [a:] образовался от звукового сочетания *aγa. В кыргызском и алтайском языках в заимствованных словах сохранена долгота произношения.

*ege → *ee*: *ст. монг.* *begelei*, *халх.* бэ:лий, *бур.* бэ:лэй, *калм.* бе:лэ “рукавицы, варежки” [ЭСМЯ I 82]; *ср. кырг.* мээлей; *алт.* меелей; *хак.* мелей. При заимствовании звук [б] перешел на [м] б → м в начале слова, а в кыргызском и алтайском языках сохранена долгота произнесения.

*igü → *yy*: *ст. монг.* *serigün*, *халх.* серү:н, *бур.* һэрюун, *калм.* серүн «свежий, прохладный» [ЭСМЯ III 103]; *ср. кырг.* серүүн «салкын, мээлүүн»; *алт.* серү:н, *тел.* сәрүгүн [Р IV₄₆₅], *куманд.* сәрәүн [Р IV₄₅₉], *чул.-түрк.* серәгүн, *хак.* сөрөн ~ сирен, *шор., тув., тоф.* сери:н, *уйг., диал. уйг.* сүрүн [ЭСТЯ, 2003:261]. Звуковой комплекс *igü в монгольском, кыргызском и алтайском языках [yy], шорском, тувинском и тофаларском языках [ии], которые трансформировались под воздействием гласного звука в составе первого слога. Во-первых, в тюркских языках используются формы сәрүгүн ~

сәрәўн ~ серү:н ~ сери:н ~ сөрөн ~ сирен, которые были заимствованы от слова *serigün* в монгольских языках. Во-вторых, в этих словоформах выражается долгота гласных, характерные тюркским языкам.

*oγu→oo: *ст. монг.* *boγurṣay* (~*boγursay*), *халх.* бо:рцог, *бур.* бо:рсог «печенье, лепешка» [ЭСМЯ I 95]; *ст. калм.* бо:рцог, *калм.* бо:рцг «кусочки теста, жареные в жиру» [Номинханов, 1975:157]; *ср. чаг.* *boγursaq*; *сой.* бо:рзак; *узб.* богирсак «хворост» [Räsänen, 1969:79]; *кырг.* боорсок «төрт чарчы кесилип, майга бышырылган нан» [КТТС 108]; *алт.* борсок. Данное слово в разных тюркских языках имеет разные формы и это связано с тем, что слово было заимствовано в разные исторические этапы. В кыргызском языке слово имеет долгий гласный звук в составе, а в алтайском сохранен краткий коррелят данного долгого гласного звука.

*üge→өө: *ст.-монг.* *köbege/ köbüge* (*köbe-ge), *халх.* хөвө:, *бур.* хүбө:, *калм.* көвэ «край, кромка; обшивка, кайма» [ЭСМЯ II 133]; *ср. кырг.* көбөө «тондун этек, жеңдеринин жана тери шымдын багалектеринин сыртынан тегерете карматылган анча жазы эмес кездеме же көрпө; суу жеген чуңкур»; *тел.* көбөгө «край, окраина» [Вербицкий, 2005:180]; слово имеет следующие формы: *алт.* көбө; *хак.* көбе:, *саг.* куваа, *кыз.* хумаа; *тоф.* хөбө:, *каз.* көбэ [ЭСТЯ, 1997:80]. В тюркских языках и диалектах встречаются такие формы как *köböğö ~ көбөө ~ хөбөө ~ куваа ~ хумаа ~ көбө*, которые свидетельствует о разных этапах заимствования лексемы *köbege с монгольских языков. Долгие гласные в тюркских и монгольских языках имеют следующие общие признаки: 1) встречаются во всех позициях в составе слов; 2) долгие гласные в двух упомянутых языковых группах во многих случаях были развиты от звукового сочетания модели V+C+V; 3) такие звуковые комплексы в тюркских и монгольских языках стоят в разных этапах языкового развития.

5.2. Долгие гласные в составе слов, заимствованных из иранских языков. Среди иранских языков сильное влияние на развитие тюркских языков, в том и кыргызского языка, имел персидский литературный язык, история развития которого традиционно разделяется на три этапа: древний, средний и новый. Корреляции гласных в древнеперсидском языке сохранены в среднеперсидском языке: а-ā, и-ī, у-ū, в котором переход древних дифтонгов [ай] > [ē], [ау] > [ō] на долгие гласные послужил предпосылкой для развития вокальной системы. Таким образом, в среднеперсидском языке было 8 фонем: долгие гласные – [ā], [ī], [ū], [ō], [ē], краткие гласные – [a], [i], [u]. А в новоперсидском языке (*pārsī-yi dari*) сохранены фонологические корреляции долготы гласных в вокальной системе, а монофтонгизация дифтонгов, которая началась в среднеперсидском языке, завершилась в новоперсидском языке. Что касается современного персидского языка, то его вокальная система подверглась существенным качественным изменениям. По долготе гласные звуки делятся на: 1) долгие (устойчивые) – [ā], [ū], [ī]; 2)

краткие (неустойчивые) – [ə], [e], [o]. Долгие гласные не теряют долготу, даже если на них в речевом потоке не падает ударения, поскольку их произношения сопровождаются более сильным мускульным напряжением органов речи [Рубинчик, 1960:23]. Именно поэтому в иранском языке долгие гласные называются устойчивыми, а краткие гласные звуки неустойчивыми. По своим акустико-артикуляционным характеристикам гласные звуки в таджикском языке напоминают гласных звуков в персидском литературном языке. В таджикском языке всего 6 гласных звуков, из которых звуки [a], [и], [y] – неустойчивые, а звуки [ê], [ô], [û] – устойчивые. В персидском литературном языке имеются 8 гласных звуков, 2 из которых в таджикском языке являются долгими гласными, следовательно, в таджикском литературном языке отмечается 6 гласных звуков [Ефимов, Расторгуева, 1982:22-23].

Вокальные системы иранских языков и кыргызского языка не совпадают. Количество долгих гласных в упомянутых выше языках тоже разное. В частности, в кыргызском языке отмечается 6, а в вокальной системе персидско-таджикских языков имеются 3 долгих (устойчивых) гласных. Именно поэтому заимствованные с иранских языков слова освоены и адаптированы путем перехода некоторых гласных, в составе слов иранского происхождения, в долгие гласные в кыргызском языке.

5.2.1. Субституция этимологических долгих гласных персидского литературного языка в кыргызском языке. В разделе рассмотрены фонетические явления, связанные с заимствованием в кыргызском языке слов с долгими гласными [ā], [ū], [ī].

1. В персидском литературном языке долгий гласный [ā] подвергся лабиализации. Данная фонема не сокращается, если даже на слог не падает ударение и совпадает на устойчивое гласное [ô], а иногда неустойчивому гласному [a] в таджикском языке [Расторгуева, 1990:56].

а) В начале слова: в начале слова перед согласными [н] и [м] долгий гласный [ā] переходит на долгий гласный [ū]. Слова иранского происхождения в кыргызском языке адаптировались по артикуляционным характеристикам, в результате фонема [ū] переходил на долгий гласный [ō]: *п.* آمد [āmэд] «удача, везение»; *кырг.* оомат “благодатное время”; *ср. узб.* омад.

б) В середине слова: в середине слова долгий гласный [ā] переходит на долгий гласный [aa]: *п.* پروانه [первāнэ] “бабочка”; *ср. тадж.* парвōна; *кырг.* барбаана “бабочка, мотылёк”; *ср. узб.* парвона, *уйг.* پەرۋانە [пэрванэ]; *п.* دانشمند [дāнишменд] 1) «ученый», 2) «мудрец»; *ср. тадж.* дōнишманд; *кырг.* даанышман «мудрец, дальновидный»; *ср. каз.* данышпан, *узб.* донишманд 1) «ученый», 2) «мудрец»; *уйг.* دانشمند [данишмэн]; *п.* ناخوش [нā-хош] 1) “заболеть, приболеть”, 2) “неприятный”; *ср. тадж.* нэхуш; *кырг.* ноокас/оокас “болезнь, больной”. Варианты ноокас/оокас в кыргызском языке связаны с звуковой системой древнетюркских языков. Поскольку в исконной лексике тюркских

языков фонема [н] не занимает позицию в начале слова. Данная особенность сохранена в некоторых говорах кыргызского языка. *Ср. каз.* наукас “больной, приболевший”, *узб.* 1) “низкий, бесчеловечный (о человеке)”, 2) “неблагодарный”, 3) “жадный”.

в) В конце слова: *п.* خدا [ходā] «бог»; *ср. кл. п.* худāй, худā, *таж.* хода; заимствовано в кыргызский язык в виде фонетических дублетов: *кырг.* кудаа//кудай өздөштүрүлгөн; *ср. каз.* құдай, *узб.* худо, *уйг.* خدا [худа].

2. В персидском литературном языке фонема [ȳ] является заднеязычным, губным, устойчивым звуком. Несмотря на произношение без особого напряжения в составе безударного слога данный звук не теряет свое фонематическое свойство [Рубинчик, 1960:22].

Долгий гласный [ȳ] при заимствовании сохраняет свою этимологию и переходит на долгий гласный [өө]: *п.* دوتار [дūtār] “дутар”; *ср. тадж.* дутар; в кыргызском языке встречаются следующие фонетические дублеты: *кырг.* дутар // дуутар; *ср. каз.* дутар, *узб.* дотор, *уйг.* دوتار [дутар]; *п.* كودك [кūdāk] 1) «ребенок», 2) мальчик, молодой парень; *ср. тадж.* кудаки; *кырг.* көөдөк “хвостун, хвастливый, невнимательный” эти значения связаны со значением слова “кодик” “осленок”; *ср. каз.* көдек 1) “осленок”, 2) “несмышленный ребенок, юноша”.

3. Долгий гласный звук [ī] в современном персидском языке переходит на гласные [и] или [е], а в некоторых случаях, согласно закону сингармонизма, в кыргызском языке произносится как гласный звук [ү], но при этом не переходит в разряд долгих гласных: *п.* فارسى [фāрсī] «фарси» - *кырг.* «перс//фарси»; *п.* امير [эмйр] «эмир, правитель» - *кырг.* «эмир»; *ир.* زيرك [зйрек] «смышленный, проницательный» - *кырг.* «зирек», *п.* تيشه [тйшә] «топор» - *кырг.* теше, *п.* اميد [умід] «надежда» - *кырг.* үмүт и т.д.

Не во всех словах иранского происхождения гласные звуки переходили в разряд долгих гласных: *п.* آفتاب [āфтāб] «солнце» – *кырг.* аптап – зной, *п.* استا [устā] «мастер» - *кырг.* уста, *п.* زردآلو [зердālū] «өрүк» (урюк) - *кырг.* 1) «один из сортов урюка», 2) Зардалы (название местности).

5.2.2. Трансформация в кыргызском языке звуковых сочетаний персидского литературного языка. В этом параграфе выявлено 10 моделей звуковых сочетаний в персидском литературном языке, перешедших в кыргызском языке в состав долгих гласных. Такие модели в персидском языке характеризуются наличием в них долгих гласных, которые перешли в разряд долгих гласных кыргызского языка в соответствии с его внутренними законами.

1. В персидском литературном языке сочетание долгого гласного [ā] и согласного [ه] в заимствованных словах в кыргызском языке трансформировались в долгие гласные [аа], [өө], а иногда в долгую гласную [ээ]:

а) [ā+◌]→[aa]: *п.* شاه [шāh] “падишах, монарх”; *ср. тадж.* шōх; *кырг.* шаа // шад (фонетические дублиеты); *ср. каз.* шах, *узб.* шах, *уйг.* شاه [шах]; *п.* شاهباز [шāh-bāz] «сокол-сапсан, кречет»; *ср. тадж.* шохин; *кырг.* шаабаз.

б) [ā+◌]→[өө]: *п.* گناه [гонāh] “провинность, вина”; *ср. кл.п.* гуnāh, *тадж.* гунах; *кырг.* вина, “провинность, преступление, проступок”; *ср. каз.* күнэ, *узб.* гунох, *уйг.* گونا [гунах]; *п.* بیگناه [би-гонāh] “невиновный, безгрешный”; *ср. тадж.* бегуноh; *кырг.* бегүнөө // бейгүнөө // бейкүнөө (невиновный, безгрешный); *ср. каз.* бейкүнэ, *узб.* бегунох, *уйг.* بیگونا [бигуна].

в) [ā+◌]→[ээ]: *п.* گاه [гāh] 1) момент, случай, в некоторых случаях; 2) место; *ср. тадж.* гох; *кырг.* “айрым, кайсы бир”, кээде // кээ-кээде “айрым учурда” (иногда, в некоторых случаях, в некоторых моментах); *ср. каз.* кей, *узб.* гох-гох // гохо, *уйг.* گاه [гах].

2. Гласный звук [y̆] в сочетании с заднеязычным согласным [◌] в кыргызском языке звучат как долгие гласные [өө] и [оо]: *п.* گۆهر [гy̆hәр] “драгоценный камень, самоцвет”; *кырг.* көөр // каухар; *ср. узб.* кавхар.

3. Вместо комбинации звуков [й] + [◌] + [y̆] в составе заимствованных слов в кыргызском языке употребляется долгий гласный [өө]: *п.* بیهوده [биhуде] “напрасно, зря”; *ср. тадж.* бехуда; *кырг.* бөөдө “напрасно, зря”; *ср. узб.* бехуда, *уйг.* بیهوده [бихудә].

4. Сочетание неустойчивого гласного [э] и заднеязычного [◌] в кыргызском языке перешел в долгий гласный [aa] : *п.* شهر [шәhr] “шаар” (город); *ср. кл. п.* шахр, *тадж.* шахр; *кырг.* шаар; *ср. каз.* шаһар, *узб.* шахар, *уйг.* شههر [шәһәр]; *п.* زهر [заhr] 1) «яд», 2) «печаль; гнев, ярость»; *ср. кл. п.* захр, *тадж.* захр; *кырг.* заар 1) «яд», 2) «гнев, ярость»; *ср. каз.* заһар, *узб.* захар, *уйг.* زههر [зәһәр].

Как показывают языковые факты, не все слова иранского происхождения подверглись одинаковым фонетическим изменениям. Более того, некоторые слова сохранили свои изначальные звуковые составы, но многие слова заимствованы и адаптированы согласно фонетическим законам кыргызского языка.

5.3. Долгие гласные в составе слов, заимствованных из арабского языка. В арабском литературном языке имеются 3 кратких [а, и, у] и 3 долгих [aa, ii, uu] гласных звуков. В арабской графике только согласные и долгие гласные обозначаются буквами, чтобы избежать разночтений короткие гласные обозначаются дополнительными символами, называемыми «харакетами». В отличие от кыргызского языка гласные в арабском языке не влияют на произношение согласных. В зависимости от позиции в слове иногда гласные выступают как отдельные фонемы, а в некоторых случаях произносятся как вариант рядом стоящего согласного, акустико-артикуляционная характеристика которого имеет влияние на их произношения [Ковалев, Шарбатов, 1998:6].

Устойчивость фонематического состава и то, что он меняется постепенно по сравнению с другими уровнями языка, можно наблюдать в ходе процесса субституции, т.е., приспособлении заимствований к фонетической норме принимающего языка. По мнению Л. Блумфилда, «язык действует только в рамках ограниченной фонетической системы, опираясь только на определенный фонематический состав» [Блумфилд, 1968: 390]. Поэтому, даже когда в языке создаются благоприятные позиционные условия, невозможно появление нового звука.

Несмотря на разносистемность арабского и кыргызского языков, слова арабского происхождения были адаптированы к фонетическому строю кыргызского языка в соответствии с его внутренними законами. Фонетическая трансформация арабских слов отражает основные фонетические законы кыргызского языка, которые включают в себя субституцию арабских долгих гласных в кыргызском языке, замену дифтонгов долгими гласными в кыргызском литературном языке, а в юго-западном диалекте дифтонгами, переход звуковых сочетаний на долгие гласные по закону аналогии, а также выпадение заднеязычных согласных в интервокальной позиции.

5.3.1. Субституция в кыргызском языке этимологических долгих гласных в арабском языке. Раздел посвящен вопросам, касающимся особенностей адаптации арабских слов, с долгими гласными в кыргызском языке.

1. В арабском языке этимологический краткий широкий гласный [a] перешел в состав долгих гласных с помощью хамзы [ء] (соединяющий согласный) [Кямилев, 1968: 30]. Трансформацию сочетания [a+ء] В. С. Сегаль объясняет следующим образом: “...что же касается широкого гласного [a], то он характеризуется наличием единственного артикуляторного фокуса, образуемого фонирующими голосовыми связками. Сужение этого фокуса ведет к связочной смычке (“хамза”), которая реализуется с различной степенью полноты. Следовательно, единственным фонетически родственным неслоговым элементом в сочетании [a+?] в арабском языке может быть только “хамза” [Сегаль, 1965:454-455]. Подобные долгие гласные в процессе заимствования в кыргызский язык не подвергались трансформациям и сохранили свои фонематические свойства: *ар.* تَائِيرٌ [та'сирун] “таасир, таасирленүү”; *кырг.* таасир; *ср. узб.* та'сир, *каз.* тасир, *уйг.* تەسىر [тэсир]; *ар.* جَفَاءٌ [джафа] в кыргызском языке 1) “одонолук”; 2) катуулук, каардуулук; *кырг.* жапаа “потерпеть страдания, оказаться жертвой чего-либо”. Слово фонетически адаптировано, но долгий гласный звук в его составе сохранился: *ср. каз.* жэбир-жапа “обида, досада”, *узб.* жафо, *уйг.* جاپا [жапа] и т.д.

2. В древних семитских языках алиф [ʾ] обозначал согласный звук. В позиции [ā < aʾ] он использовался не только связывающий согласный звук,

но и долготы гласного, что привело расширению функции алифа. В арабской орфографии [ʾ] стал универсальным знаком долгого гласного [ā] и имел двойное значение с точки зрения фонетики:

1) [ء] – знак соединительного согласного; 2) [ā] – знак долготы [Сегаль, 1965:456]. Звуковые составы долгих гласных в арабском языке в этой позиции не изменились в кыргызском языке в процессе фонетического освоения заимствований: *ар.* مُرَاد [мураад] “каалоо, ниет”; *кырг.* используется в следующих фонетических вариантах: мураа//мурааз//мурат; *ср. каз.* мұрат, *узб.* мурод, *уйг.* مورات [мурат]; *ар.* مُسَافِر [мусаафир] “саякатчы, жолоочу”; *кырг.* мусаапыр; *ср. каз.* мүсәпир, *узб.* мусофир, *уйг.* موساپير [мусапир].

3. Слова с долгими гласными [ū] с арабского языка были заимствованы в ограниченном количестве, которые в процессе фонетического освоения не подвергались изменениям. За исключением случаев, когда они переходили на долгий гласный [ō]: *ар.* سَرُورَة [саруурат] “зарылдык, керектик”; *кырг.* саруурат; *саруурат болдум Эрмекке, сагындым аны көрмөккө* [Юдахин, II:138]; *ар.* طَاوُس [таавус] “павлин”; *кырг.* тоос; *ср. каз.* тауыс, *узб.* товус, *уйг.* تاۋۇس [тавус].

4. Произношение звука [и] в конце слова в как долгий гласный [ā] одно из редких явлений, встречающееся только в арабском языке. При фонетическом освоении эти долгие гласные в кыргызском языке произносятся как долгая фонема [ō], в некоторых случаях как фонема [a]: *ар.* دَعْوَى [да'ва] “доо, доолашуу”; *кырг.* доо; *ср. каз.* дау, *узб.* да'во, *уйг.* دَعْوَا [дава]; *ар.* مُوسَى [мўсā] *энч. ат.* Муса//Моисей; *кырг.* Муса; *ср. каз.* Мұса, *узб.* Мусо, *уйг.* موسا [Муса].

Не все долгие гласные в арабском языке в составе заимствований сохранили долготу произношения в кыргызском языке: 1) долгие гласные в арабском языке в составе закрытых слогов подверглись сокращению [Юшманов, 1999:32]: *ар.* قَاضٍ [kāз(ын)] - казы, كِتَاب [китāбун] – китеп, زَمَان [замāнун] – заман, مَزَاح [музāхун] - мазак и др.; 2) так как в кыргызском языке отсутствует долгий гласный звук [ии], данный звук заимствован в кыргызский язык с помощью его короткого коррелята [и]: *ар.* عَزِيز [ʾazīzun] – *кырг.* азиз, *ар.* كَفِيل [ʾkafīlun] – *кырг.* кепил и др.

Как показывают приведенные выше языковые факты, долгота гласных в арабском языке, в составе заимствованных слов не была утрачена. В казахском, узбекском и уйгурском языках, в которых прослеживается сильное влияние арабского, редукция долгих гласных при их фонетическом освоении была отражена в орфографии этих языков, следовательно, она характерна для литературного языка. По мнению В. Радлова, в таранчинском диалекте уйгурского языка долгие гласные сохранились в словах, заимствованных из персидского языка: падишā „царь“, һәмрāһ „спутник“ [Трофимов, 1991:89].

Эта особенность характерна и для азербайджанского языка: ālim „ученый“ [Севортян, 1955:51].

Таким образом, выявлено семь позиций этимологических долгих гласных и доказано, что многие слова заимствованы и адаптированы согласно внутренним фонетическим законам кыргызского языка. Среди тюркских языков Средней Азии долгие гласные в арабских заимствованиях сохранили свои изначальные звуковые составы в кыргызском языке.

5.3.2. Трансформация в кыргызском языке звуковых сочетаний в составе арабских слов. В данном разделе выявлено 17 моделей звуковых сочетаний в арабском языке, перешедших в разряд долгих гласных в кыргызском языке.

1. Сочетания [о+о̇] фатха [о̇] и согласного [о] в заимствованных словах в кыргызском языке трансформировались в долгий гласный звук [аа]: *ар.* فَهْمٌ [фаһм] 1) “түшүнүк”, 2) “акыл, билүү”; *кырг.* баам; *ср. узб.* фаҳм; *ар.* فَهْرٌ [каһр] 1) “багынуу, баш ийүү”, 2) “күчкө салуу”, 3) “капа кылуу”; *кырг.* слово “каар” после семантических сдвигов используется в следующих значениях: 1) “ачуу”, 2) “кордук, кыйынчылык”; *ср. каз.* қаһар, *уйг.* قەھەر [кәхәр]. Сочетание [о+о̇] в гагаузском языке также переходит в долгий гласный звук [аа]. Данная модель при аффиксации обретает изначальную форму [a+h] как в исходном языке (арабский язык – *авт.*): сабаһа “к утру”, аллаһым “боже мой” и т.д. [Покровская, 1964:32]. А в некоторых случаях переходит в долгий гласный звук [оо]: *ар.* دَهْرٌ [доһур] 1) “эпоха, мезгил, заман”; 2) “тагдыр, жазмыш”; *кырг.* доор “эпоха, мезгил, заман” семантикасы белгилүү; *ср. каз.* дәір, *узб.* давр, *уйг.* دەۋر [довр].

2. Сочетание звуков [о+о̇] фатха [о̇] и заднеязычного [х] заимствованных словах переходил в долгий гласный [аа]: *ар.* قَحْطٌ [кахт] 1) “кургакчылык”, 2) “ачарчылык”; *кырг.* каат; *ср. каз.* қат, *уйг.* قەھەت [кәхәт].

3. В процессе заимствования слов с сочетанием звуков [о̇+о+о̇] касра [о̇], глубоко-заднеязычного [о] и фатхи [о̇] происходил переход данного звукового сочетания в долгий гласный [аа]: *ар.* جَهَّةٌ [джеһәт] “тарап, жак, багыт”; *кырг.* жаат; *ср. узб.* жиҳат, *уйг.* جەھەت [жәхәт].

4. В сочетании звуков [о̇+о+о̇] фатха [о̇], заднеязычного [х] и фатхи [о̇] происходило отпадение заднеязычного звука между двумя звуками, в результате чего данное сочетание звуков в заимствованных словах переходило в долгий гласный [аа]: *ар.* سَحْرٌ [сәһәр] “таң, таң алды”; *кырг.* заар//саар; *ср. каз.* сахар, *узб.* сахар, *уйг.* سەھەر [сәхәр]; *ар.* مَحَلَّةٌ [мәхәлле] 1) “лагерь”, 2) “квартал”; *кырг.* “мәэлә” имеет локальный характер, “квартал”; *ср. узб.* маҳалла, *уйг.* مەھەللە [мәхәлла]; *ар.* مَحَلٌّ [махалл] “учур, маал”; *кырг.* маал; *ср. узб.* маҳал, *уйг.* مەھەل [мәхәл].

5. Комбинация звуков [о+о̇] вав и заднеязычного [о] в кыргызском языке перешла в долгий гласный [өө]: *ар.* مَكْرُوَةٌ [мә'круһ] 1) “жаман, начар”, 2) *дин.*

“кабыл алынбаган, уяткарылган”; *кырг.* “макүрөө” предметы, которыми запрещается использование из религиозных соображений; *ср. каз.* макрүк, *уйг.* مەكرۇ [мәкру].

6. В некоторых случаях звуковое сочетание [ب+و] в составе слов арабского происхождения в кыргызском языке адаптировано путем употребления долгих гласных фонем: *ар.* طَبْل [табл] “доол, барабан”; *кырг.* доол; *ср. каз.* дабыл, *узб.* довул, *уйг.* داۋۇل [давул]; *ар.* طَبِيب [табиб] “доктор, дарыгер”; *кырг.* используются фонетические дублиеты табып//таап, *ср. узб.* табиб.

Звуковые сочетания в словах арабского происхождения подвергались фонетическим трансформациям и, согласно уже известным моделям, переходили в долгие гласные в кыргызском языке. А акустико-артикуляционные характеристики долгих гласных определяются в зависимости от гласного звука, занимающего препозиционное положение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция долгих гласных и механизмы их образования показывают, что фонетическая система современного кыргызского языка является результатом развития и изменения форм в древнекыргызском языке.

Лингвистические материалы, проанализированные в исследовании, послужили основанием для следующих выводов:

1) Первые исследования в области алтаистики, посвященные изучению долгих гласных, проводились с синхронного аспекта. Несмотря на эмпирический характер исторического принципа в языковых сопоставлениях, европейские ученые считали, что количественные оппозиции долгих гласных в тюркских языках относятся к числу древних языковых явлений. Подобные наблюдения за языковым развитием служили основанием для классификации долгих гласных в тюркских языках на первичные и вторичные по их генезису. Выявлено, что природа долгих гласных, механизмы их происхождения были глубоко исследованы на материале монгольских языков, входящих в алтайскую языковую семью, а в тюркологии, в том числе кыргызском языкознании они остаются в числе ключевых вопросов, требующих разносторонних исследований.

2) На формирование подсистемы долгих гласных одновременно оказывали влияние несколько фонетических законов и в результате возникали изменения в звуковой структуре языка, которые, в свою очередь, послужили основанием для возникновения других изменений. К примеру, смещение словесного ударения на последний слог сопровождалось выпадением или вокализацией сонорного согласного в интервокальной позиции, с другой стороны, данный сонорный согласный, близкий по своей артикуляционной характеристике гласному, не занимал противоположную позицию по

отношению к следующему гласному. Таким образом, с одной стороны, выпадение интервокальных согласных и слияние двух гласных можно объяснить экономией усилия при выговаривании слов или слогов в речевом потоке, а с другой стороны, выпадение интервокальных согласных, находящихся в слабой позиции, носило универсальный характер для всех тюркских языков и способствовало образованию вторичных долгих гласных. Подобные фонетические изменения происходили в пределах корня/ основы, а позже и определенных аффиксов, согласно закону аналогии.

3) Двусторонний процесс “монофтонгизации дифтонгов ↔ дифтонгизации монофтонгов” в пратюркском языке является одним из факторов, доказывающих наличие количественной оппозиции во всех этапах эволюции тюркских языков.

4) Произношение древних звуковых сочетаний как дифтонгов, трифтонгов а иногда как долгих гласных, встречающиеся в обособленных говорах юго-западного диалекта современного кыргызского языка, следует отнести к числу фонетических фактов или явлений, характерных для древнего звукового строя.

5) Этимологические долгие гласные и дифтонги в составе слов, заимствованных из монгольского, иранского и арабского языков, были адаптированы к морфонологической структуре кыргызского языка, а звуковые сочетания (модели, согласно которым образуются долгие гласные) были трансформированы в долгие гласные в соответствии с законом аналогии в кыргызском языке. А в словах иранского и арабского происхождения, а именно моделях, согласно которым образуются долгие гласные, происходил процесс выпадения интервокальных согласных, место которых заняла короткая пауза – хиатус, постепенное исчезновение которого привело к слиянию двух гласных звуков, что, в свою очередь, способствовало образованию долгих гласных. Однако, следует отметить, что данная короткая пауза сохраняется и в настоящее время при произношении долгих гласных звуков в составе слов арабского происхождения.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

1. Каратаева, С. К. Кыргыз тилинин тарыхынын айрым маселелери [Текст] / С. К. Каратаева // И. Арабаев ат. КМУнун «Жарчысы». 3-чыгарылыш. -2011.

2. Каратаева, С. К. Иран тилдеринен өздөштүрүлгөн сөздөрдүн кыргыз тилиндеги фонетикалык модификациясы [Текст] / С. К. Каратаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. -2020. -№3. -С. 189-193. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44066665>

3. Каратаева, С. К. Араб сөздөрүнүн кыргыз тилиндеги фонетикалык адаптациясы [Текст] / С. К. Каратаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. -2020. -№8. -С. 248-251. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45620375>
4. Каратаева, С. К. Морфемалардын чектешкен жеринде келип чыккан созулма үндүүлөр [Текст] / С. К. Каратаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. -2020. -№8. -С. 255-260. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45620371>
5. Каратаева, С. К. Сөздүн морфологиялык структурасынын өзгөрүшүнөн келип чыккан созулмалар [Текст] / С. К. Каратаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. -2020. -№8. -С. 229-234. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45620371>
6. Каратаева, С. К. К ареалу распространения этнонима «кыргыз» [Текст] / С. К. Каратаева // Отан тарихи. Етнология және антропология. Казахстан. -Алматы. 2015.
7. Каратаева, С. К. Кыргыз тилиндеги эмфазалык созулмалар [Текст] / С. К. Каратаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. -2020. -№3. -С.194-198. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44066666>
8. Каратаева, С. К. XIX к. таандык дипломатиялык каттардын тилдик өзгөчөлүктөрү [Текст] / С. К. Каратаева // Кыргыз тили жана адабияты: Окутуунун инновациялык технологиялары. -2016. -№1. -С.33-37. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44716950>
9. Каратаева, С. К. Фонетическое освоение арабских слов с долгими гласными в тюркских языках [Текст] / С. К. Каратаева // Бюллетень науки и практики. Т. 7. -№2. 2021. -С.417-426. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44773499>
10. Каратаева, С. К. Енисейская письменность как исторический источник в изучении киргизского языка [Текст] / С. К. Каратаева // Бюллетень науки и практики. -2021. Т. 7. -№4. -С.458-464. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45658745>
11. Каратаева, С. К., Абдырахманов, Т. А. «Манас» эпосунун контенти кыргыз тарыхынын өнүгүү этаптарынын маалыматтамасы катары [Текст] / С. К. Каратаева, Т. А. Абдырахманов // И. Арабаев ат. КМУнун «Жарчысы». Атайын чыгарылыш. -2019. -51-58-бб.
12. Каратаева, С. К. Түрк тилдериндеги дифтонгдордун изилденишинин айрым маселелери [Текст] / С. К. Каратаева // Известия ВУЗов Кыргызстана. -2021. -№2. -С.296-301. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47228404>
13. Каратаева, С. К. Түрк тилдериндеги дифтонгдордун изилденишинин айрым маселелери [Текст] / С. К. Каратаева // Известия ВУЗов Кыргызстана. -2021. -№2. -С.296-301. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47228404>
14. Каратаева, С. К. Түрк тилдеринде байыркы созулмалардын дифтонгдошуусу [Текст] / С. К. Каратаева // И. Арабаев ат. КМУнун «Жарчысы». -2022. -№2. -С. 30-35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49312590>

15. Каратаева, С. К. Кыргыз тилиндеги позициялык созулмалар [Текст] / С. К. Каратаева // *Alatoo Academic Studies*. -2022. -№3. –С.130-137. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49822398>
16. Каратаева, С. К. Монгол тилдериндеги түрк сөздөрүнүнүн фонетикалык өзгөчөлүктөрү [Текст] / С. К. Каратаева // И. Арабаев ат. КМУнун «Жарчысы». -2022. –№3. –С. 257-263. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49805032>
17. Каратаева, С. К. Трансформация звуковых комплексов $v+c+v$ из монгольских языков в тюркских языках [Текст] / С. К. Каратаева // Бюллетень науки и практики. Т. 9. -№3. 2023. –С.493-500. <https://elibrary.ru/item.asp?id=50403835>
18. Каратаева, С. К. Созулмалардын келип чыгышындагы фонетикалык кубулуштар [Текст] / С. К. Каратаева // Ж.Баласагын ат. КУУнун “Жарчысы”. -2022. -№4(112). -168-174-б.
19. Karataeva, S. K., Semiz, K. Structural and Phonetic Transformation of Iranian loanwords in the Turkic Languages of Central Asia [Text] / S. K. Karataeva, K. Semiz // *Res Militaris*. -2022. Vol.12, -No 6. -P. 2670-2680. <https://resmilitaris.net/menu-script/index.php/resmilitaris/article/view/4188/3213>
20. Каратаева, С. К. Созулма үндүүлөрдү изилдөөнүн теориялык негиздери [Текст] / С. К. Каратаева // Ж. Баласагын ат. КУУнун “Жарчысы”. -2022. -№4 (112). -163-168-б.

Каратаева Сонайым Кубатбековнанын “Кыргыз тилинин тарыхый фонетикасы (үндүүлөр системасы)” деген темада 10.02.06 – түрк тилдери адистиги боюнча филология илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясынын

РЕЗЮМЕСИ

Негизги сөздөр: *созулма үндүү, байыркы созулма, кийинки созулма, түрк баба тили, кыргыз тобу, монофтонг, дифтонг, трифтонг, дифтонгдошуу, монофтонгдошуу, вокалдашуу, фонетикалык мыйзам, модель, тыбыштык тизмек.*

Изилдөөнүн объектиси – түрк тилдеринин, өзгөчө кыргыз тилинин фонетикалык системасындагы созулма үндүүлөр.

Изилдөөнүн предмети – кыргыз тилинин тарыхый фонетикасындагы өзөктүү проблема катары созулма үндүүлөрдүн жаралышындагы негизги лингвистикалык диахрондук фонетикалык процесстер, механизмдер жана алардын табияты.

Изилдөөнүн максаты: кыргыз тилинин тарыхый фонетикасындагы байыркы жана кийинки созулмалардын жаралышындагы негизги диахрондук процесстердин мыйзамченемдүүлүктөрүн, механизмдерин аныктоо. Созулма үндүүлөрдү диахрондук өңүттөн өнүгүшүн изилдөө аркылуу кыргыз тилинин тыбыштык системасынын калыптаныш тарыхын фрагментардык эмес, бүтүн бир система катары калыбына келтирүү.

Изилдөөнүн методдору. Иште сыпаттама, жалпылоо, интерпретациялоо, моделдештирүү, аналогия, трансформация, анализ жана синтез, индукция, дедукция, структуралык, этимологиялык метод өндүү бир катар универсалдуу методдор, о.э. тектештирме-тарыхый, ареалдык лингвистика жана этнолингвистикалык методдор, функционалдык методиканын алкагында колдонулуучу дистрибутивдик, семантикалык анализ жүргүзүү атайын методдору пайдаланылды.

Изилдөөнүн натыйжалары жана алардын жаңылыгы катары түркологияда биринчи ирет созулма үндүүлөр катышкан сөздөрдү иргеп алууда мезгилдик жана мейкиндик жактан кеңири алкактын, т.а., кыргыз адабий тили жана анын диалектилери, анын ичинде Памир, Жерге-Тал, Заамин, Баткен, Чаткал говорлорунун фактылары, байыркы, орто түрк жазма эстеликтеринен, түрк тилдеринин байыркы кыргыз тобуна кирген алтай, тува, хакас, шор, тофалар тилдеринен, ошондой эле монгол (халха-монгол, бурят, калмак тилдери), иран (перс адабий, тажик тилдери) жана араб тилдеринен алынган лингвистикалык материалдардын камтылышын белгилөөгө болот.

Колдонуу чөйрөсү. Изилдөөдө алынган жыйынтыктардын кыргыз тилинин, жалпы тектеш түрк тилдеринин тарыхый грамматикасын түзүүдө өтө зарыл материал боло алгандыгы аны лингвистиканын алкагынан алда канча кеңири кароого мүмкүндүк түзөт. Ошону менен бирге изилдөөнүн натыйжаларын “Кыргыз тилинин тарыхы”, “Түрк тилдеринин тектештирме-тарыхый грамматикасы” жана “Кыргыз тилинин тарыхый грамматикасы” боюнча лекциялык курстарды түзүүдө жана окутууда колдонсо болот.

РЕЗЮМЕ

диссертации Каратаевой Сонайым Кубатбековны на тему “Историческая фонетика кыргызского языка (*система гласных*)”, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.06 – тюркские языки

Ключевые слова: *долгий гласный, первичная долгота, вторичная долгота, пратюркский язык, кыргызская группа, монофтонг, дифтонг, трифтонг, дифтонгизация, монофтонгизация, вокализация, фонетический закон, модель, звуковое сочетание.*

Объект исследования – долгие гласные в фонетической системе тюркских языков, в том числе кыргызского языка.

Предмет исследования – основные лингвистические, диахронические фонетические процессы, механизмы происхождения долгих гласных, являющихся ключевой проблемой исторической фонетики кыргызского языка.

Цель исследования. Цель диссертационной работы заключается в выявлении диахронических процессов, закономерностей, механизмов, способствующих образованию первичных и вторичных долгих гласных в исторической фонетике кыргызского языка. Путем исследования вопросов развития долгих гласных с диахронического аспекта, восстановление истории формирования звуковой системы кыргызского языка как целостной системы.

Методы исследования. В ходе исследования использовались такие универсальные методы, как описание, обобщение, интерпретация, моделирование, аналогия, трансформация, анализ и синтез, индукция, дедукция, структурный и этимологический методы. Также были использованы специальные методы, такие как сравнительно-исторический метод, методы ареальной лингвистики, этнолингвистики, метод дистрибутивного и семантического анализа, применяемые в рамках функциональной грамматики.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые в области тюркологии в качестве объектов исследования были выбраны слова, с долгими гласными в составе, относящиеся кыргызскому литературному языку и его диалектам, в частности, языковые факты, характерные памирскому, джержег-тальскому, заминскому, баткенскому, чаткальскому говорам. Анализированы языковые материалы, взятые из древних и средневековых тюркских письменных памятников, алтайского, тувинского, шорского, тофаларского языков, входящих в кыргызскую группу, а также из монгольского (халха-монгольского, бурятского, калмыцкого), иранского (персидского литературного языка, таджикского) и арабского языков.

Область применения. Результаты, выводы, полученные от исследования, могут найти свое применение, прежде всего, в составлении исторической грамматики кыргызского языка и других тюркских языков в целом. Вместе с тем результаты данного исследования могут использоваться в качестве теоретических материалов в процессе проведения лекционных занятий по таким предметам, как «История кыргызского языка», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и «Историческая грамматика кыргызского языка».

RESUME

dissertation of Karataeva Sonaiym Kubatbekovna on the topic “**Historical phonetics of the Kyrgyz language (vowel system)**”, for the degree Doctor of philological sciences, in the specialty 10.02.06 - Turkic languages

Key words: *long vowel, primary longitude, secondary longitude, Proto-Turkic language, Kyrgyz group, monophthong, diphthong, triphthong, diphthongization, monophthongization, vocalization, phonetic law, model, sound combination.*

The object of the investigation is long vowels in the phonetic system of the Turkic languages, including the Kyrgyz language.

The subject of the research is the main linguistic, diachronic phonetic processes, the mechanisms of the origin of long vowels, which are the key problem of the historical phonetics of the Kyrgyz language.

Purpose of the investigation. The purpose of the dissertation work is to identify diachronic processes, patterns, mechanisms that contribute to the formation of primary and secondary long vowels in the historical phonetics of the Kyrgyz language. By researching the development of long vowels from the diachronic aspect, restoring the history of the formation of the sound system of the Kyrgyz language as an integral system.

Research methods. During the investigation universal methods as description, generalization, interpretation, modeling, analogy, transformation, analysis and synthesis, induction, deduction, structural and etymological methods were used. Special methods such as comparative historical method, methods of areal linguistics, ethno-linguistics, distributive and semantic analysis, applied within functional grammar, were also used.

The scientific novelty of the research results lies in the fact that for the first time in the field of Turkology, words with long vowels referring to the Kyrgyz literary language and its dialects, in particular, linguistic facts, characteristic of Pamir, Djerger-Tal, Zaminsk, Batken, and Chatkal were chosen, Language materials taken from ancient and medieval Turkic written monuments, Altai, Tuvan, Shor, Tofalar languages of the Kyrgyz group, as well as Mongolian (Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk), Iranian (Persian literary language, Tajik) and Arabic languages were analyzed.

Area of application. The results and conclusions obtained from the study can be used, first of all, in compiling the historical grammar of the Kyrgyz language and other Turkic languages. At the same time, the results of this investigation can be used as theoretical materials in the course of lectures on such subjects as “History of the Kyrgyz language”, “Comparative and historical grammar of Turkic languages”, and “Historical grammar of the Kyrgyz language”.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 3 п. л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
Ж.И. «Сарыбаев Т.Т.»
720040, Бишкек, ул. Манаса, 101.
+996 708 05 83 68